

В ПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ТИМ СЕВЕРИН

САКСОНЕЦ
СЛОН
ИМПЕРАТОРА

Саксонец

Тим Северин
Слон императора

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

Северин Т.

Слон императора / Т. Северин — «Эксмо»,
2013 — (Саксонец)

ISBN 978-5-699-88535-0

Когда величайший из владык Западного мира решает наладить дипломатические отношения с могущественным правителем Востока, он делает поистине королевский жест. Карл Великий решает отправить в подарок Харуну ар-Рашиду самых удивительных животных, которых только возможно найти в его владениях: огромного тура, белых медведей и – диковина из диковин – легендарного единорога. Конечно, всех этих существ надо сперва раздобыть, но для этого у короля есть верные слуги. Честь разыскать редкостных зверей и доставить их через полмира, из Ахена в Багдад, выпала Зигвильфу, саксонскому принцу без королевства...

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-88535-0

© Северин Т., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	35
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Тим Северин

Саксонец. Слон императора

Tim Severin

Saxon: The Emperor's Elephant

© Tim Severin, 2013

© Гришин А. В., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2016

* * *

Пролог

Ахен, 793 г.

Все считают, что это — часть разбитого человеческого черепа. Белая кость, выгнутая, как тарелка, судя по ее малой толщине, могла бы принадлежать мертвому ребенку. Писцы королевской канцелярии, проходившие мимо моего стола, смотрят на нее с отвращением и стараются держаться подальше. Возможно, они полагают, что это скорбный сувенир, привезенный мной из злополучной кампании против сарацин, которую король Карл предпринял пятнадцать лет назад. Они знают, что я участвовал в этом неудавшемся походе и, хотя был ранен, все же вышел живым из страшной засады, в которую попал арьергард его армии во время отступления через горы. Если писцы думают, что меня спасло мастерское владение мечом, то они ошибаются. Истинной причиной была моя дружба с сарацинами, завязавшаяся, когда я жил среди них и сумел завоевать их доверие, несмотря на то что был шпионом.

Без сомнения, они удивляются и тому, что сам король продолжает время от времени советоваться со мною, пренебрегая даже своим королевским советом. Знай они, что их христианнейший, благочестивейший правитель Карл верит, что сны могут указывать верный путь в будущее, они удивились бы еще сильнее. Он спрашивает моих советов потому, что я давно уже известен как толкователь снов и сновидец. И все же мне все меньше и меньше хочется давать Его Величеству четкие ответы. Из опыта я усвоил, что, хотя сны редко обманывают, они могут указывать на ложный путь. И когда истина в конце концов раскрывается, потрясение бывает еще сильнее. В год, предшествовавший Испанской кампании, я видел во сне, как гигантский Карл, сидевший на своем боевом коне, плакал кровавыми слезами. Я не имел никакого представления о том, что это было предзнаменование потери трети его армии и гибели в этой самой злокозненной засаде его любимого племянника и моего покровителя графа Хруодланда. И даже если бы я предвидел то, что должно было свершиться, изменить будущее я все равно не смог бы.

Так что, когда сновидение позволяет мне заглянуть краем глаза в будущее, благоразумнее всего бывает придержать язык.

Но и обращение к прошлому требует таких же предосторожностей. История, которую я намереваюсь записать, касается событий не только секретных, но и сохраненных в тайне от Карла, пребывавшего тогда здесь, в Ахене. Узнай он о том, что я скрыл от него, меня, несомненно, ждет немилость. Вот почему я решил придать своим записям форму заметок о путешествии в отдаленные малоизвестные страны. И поэтому положил на стол, на видное место, белый, как кость, черепок с неровными обломанными краями. Народ опасается приближаться к обломкам черепов. Хотя мой-то обломок – совсем не то, чем кажется! Зато он оберегает исписанные мною листы от нескромных глаз.

Глава 1

Скандинавия

Я лежал ничком на сырой земле, стараясь не обращать внимания на дергающую боль в левом плече. Рана, оставленная васконским копьем, вполне зажила, оставив лишь рельефный шрам, но смена времен года неизменно пробуждала глубоко затаившуюся боль. А влага, постепенно впитывавшаяся из листьев в одежду, еще сильнее усугубляла мое и без того неприятное положение. Ни звука, лишь стук капель да журчание струек воды, изредка сбегавших из дубовых крон, которые непрерывно поливал мелкий моросящий дождь, нарушали тишину. Хотя время уже склонялось к полудню, в лесу, под высокими деревьями, было мрачно и промозгло. Буйная весенняя листва не пропускала солнечный свет, и воздух внизу, под деревьями, был насыщен запахом прели. Прямо передо мною, над полянкой шагов тридцати в поперечнике, открывалось небо. Когда пробегающие по нему тучи открывали солнечный лик, на свежей траве ярко блестели дождевые капли, придававшие ей особенно чистый, манящий вид. Но впечатление было обманным. Середины у поляны просто не было. В середине была яма длиной в десять шагов и шириной в пять, а глубиной в рост высокого человека, с отвесными краями, которую покрывали набросанные крест-накрест тонкие ивовые прутья. А поверх них лежала сплетенная из таких же прутьев легкая крышка-решетка. На нее землекопы насыпали тонкий слой почвы, имитировавший твердую землю. А точно в центре крышки-ловушки лежала кучка покрытых свежей листвой веток, срезанных с кустов, которые считались любимым лакомством зверя, – приманка.

Очень медленно я поднял голову и посмотрел налево. На расстоянии вытянутой руки от меня устроился Вульфард, главный королевский егерь. В кожаных шоссях и камзоле, окрашенных в цвет жухлой травы и вдобавок перепачканных грязью, он был почти незаметен в облюбованной им неглубокой впадинке. Даже его закаленное непогодами и потемневшее от постоянного пребывания на открытом воздухе лицо цветом почти не отличалось от прошлогодней палой листвы. Голова с коротко стриженными седеющими волосами была непокрыта, темно-зеленая шляпа с одним-единственным орлиным пером лежала рядом. Почувствовав мое движение, он обернулся. Светло-карие глаза блеснули желтым, как у хитрого лисовина, а каменное выражение лица ясно дало понять, что мне надлежит хранить полную неподвижность так долго, как он сочтет нужным. Иначе пойдут прахом две недели, которые мы затратили на подготовку к охоте на зверя: поиск наилучшего места для ловушки, яма, которую пришлось выкопать с поистине умопомрачительной скоростью, огромная куча земли, которую пришлось отнести далеко в сторону, и, наконец, тщательная уборка всех следов пребывания здесь людей. Рабочие закончили свои дела перед самым рассветом и сразу же покинули эту отдаленную часть леса. После их ухода Вульфард прикинул вероятное направление утреннего ветерка, а потом разместил на поляне наблюдателей. Всего нас было трое. Мы с Вульфардом расположились с наветренной стороны, а его сын Вало – справа от нас на расстоянии броска камня. Оттуда он мог наблюдать за направлением, с которого мы ожидали появления зверя. Вало должен был отпугивать всех крупных зверей, которые могли бы провалиться в нашу ловчую яму. Мы вовсе не хотели, чтобы сквозь хлипкую крышку провалился олень или кабан. Нам нужна была только одна добыча: сам зверь, или ничего.

Я расслабился, опустил голову на согнутую руку, а потом и прикрыл глаза. Мы лежали в ожидании уже шестнадцать долгих, скучных и очень утомительных часов, но ничего так и не произошло. Эту тварь никто еще не видел живьем. Мы полагались на сообщения о следах в мягкой земле, об отпечатках копыт, превосходящих любое известное животное. Егеря замечали сучки сломанных веток на высоте в семь, а то и восемь футов над землей: расщепленные обломки в этих местах были смяты, а кора содрана. Самым же верным признаком

реальности существования зверя был его помет. Большие кучи в изобилии содержали непеваренные листья и щепки, что помогло Вульфарду предположить, чем питается животное, и составить план его поимки живьем. Скептики смеялись и уверяли нас, что мы попусту потратим время. Дескать, неведомый зверь – это всего-навсего зубр-переросток из рода крутолобых, злобных диких быков, встречающихся в этом лесу. Зубры попадались в этих землях нечасто, однако их было достаточно для короля, который страстно любил охоту и убивал одного-двух рогатых красавцев каждый сезон. Удача всегда приводила его в доброе расположение духа.

Но Вульфард решительно отметал все сомнения в существовании диковинного зверя. Он ссылался на отставного лесника, умершего уже лет пять тому назад, который некогда уверял его, что гигантский зверь и еще несколько ему подобных отступили в самую глубь и глушь леса и до сих пор живут там.

Громко хрустнула ветка – звук донесся с дальней стороны поляны. Я встрепенулся, поднял было голову, но тут же вспомнил указания егеря и застыл на месте. К нам приближался олень. Вернее, оленуха, настороженно ступавшая по тропе прямо к яме. Судя по непропорционально большому животу, ей вскоре предстояло произвести на свет детеныша. Выйдя на край поляны, она замерла. Сразу же после этого я заметил движение справа. Вало, облаченный в такую же темно-зеленую одежду, как и его отец, поднялся на ноги и беззвучно взмахнул руками. Оленуха заметила его не сразу, но уже через мгновение осознала опасность, резко повернулась и помчалась обратно в лес по той же тропе, по которой пришла. Вало бросил короткий взгляд на отца, явно рассчитывая на его одобрение, а затем снова лег и исчез для меня из виду.

Я с облегчением вздохнул. Меня раздражало то бессердечие, с которым наши рабочие дразнили Вало. Он, впрочем, был очень удобной мишенью для насмешек. Руки и ноги у него были слишком короткими по сравнению с телом, а вечно приоткрытый рот и полужакрытые глаза на круглом, как полная луна, лице создавали впечатление, будто он в любой момент, даже на ходу, готов уснуть. К тому же говорил этот парень медленно и не очень внятно и порой мог высказать что-нибудь такое, чего можно бы ожидать услышать от восьмилетнего ребенка, а не от взрослого мужчины. Определить возраст Вало по его внешнему облику было довольно трудно. Я предполагал, что ему лет двадцать пять. Вульфард защищал сына от всего на свете и однажды с яростной бранью набросился на человека, который сказал, что Вало слишком прост для того, чтобы быть хорошим дозорным. Королевские егеря втихомолку ворчали, что за такое оскорбление заботливый отец может и прибить наглеца. Однако он всего лишь велел сыну собираться на охоту. Я же опасался, что, если Вало не справится с сегодняшним делом, окружающие вообще сживут его со свету своими насмешками.

Потом, видимо, задремал, потому что очнулся от басовитого хриплого ворчания. Звук был настолько мощным и низким, что отдавался, кажется, даже у меня в груди. Никогда прежде мне не доводилось слышать ничего подобного, однако можно было безошибочно определить в этом звуке вызов и угрозу.

Не в силах совладать с собой, я осторожно повернулся и посмотрел назад. Тому, что я увидел, можно было бы отвести место в ночном кошмаре.

Позади нас, шагах в тридцати, стояло под деревьями огромное животное. Понять, как такому массивному и могучему созданию удалось подойти к нам совершенно беззвучно, было невозможно. Оно застало врасплох даже Вульфарда, самого опытного и осторожного из королевских охотников.

Мы устроили ловушку для зверя, а он поймал в ловушку нас. В холке этот лесной великан превосходил ростом самого высокого жеребца. Тело его, покрытое жесткой черно-бурой шерстью, бугрилось мощными мышцами. Животное являло собой гротескное подобие тех быков, которых я, еще ребенком, видел на фермах. Но те были домашними, медлительными

и спокойными, приученными ходить в упряжке. А животное, неподвижно застывшее совсем рядом с нами, было крупнее, сильнее, враждебнее и несравненно опаснее. Я с испуганным восхищением разглядывал его рога. Они торчали у него из лба долгой, обращенной вперед дугой размером в половину моей руки, резко загибались вверх и заканчивались смертоносными остриями. Их предназначением было протыкать, рвать и отбрасывать труп жертвы в сторону. Это было настоящее оружие убийства.

В моем сознании само собой всплыло название этого чудовища. Лесник, с которым разговаривал Вульфард, называл его туром и первобытным быком – лучшее название для пережитка древних эпох, когда по лесам бродили самые разнообразные громадные твари. Я же никак не предвидел того, что монстр, по праву носящий такое имя, может и на самом деле предъявить права на свои исконные владения.

Зверюга снова звучно фыркнула – еще громче, еще агрессивнее, чем прежде, и с еще сильнее выраженным вызовом. Животное чувствовало наше присутствие. Мы были для него непрошеными и нежелательными гостями, а тщательно выбранное нами место для ловушки оказалось совершенно неверным. Мы рассчитывали, что тур подойдет с противоположной стороны поляны, с наветренного для нас направления. Но зверь зашел к нам сзади, почуял наше присутствие и теперь решил выяснить все досконально. Так что в ловушку попали мы.

Тур сердито дернул головой, вскинув в воздух огромный ком пенящейся слюны.

Внутри меня все похолодело. Я настолько испугался, что не был уверен, что у меня хватит сил подняться на ноги. В этот миг я полностью утратил соображение и даже подумал было, что, если я буду лежать неподвижно, ужасный зверь не заметит меня.

Но тут бык снова мотнул головой из стороны в сторону, демонстрируя в качестве очередного предупреждения огромные рога, и я увидел его глаза, разглядел бешеный, обжигающий взгляд, белую кайму вокруг темной поблескивающей середины. Нет, рассчитывать на то, что чудовище оставит нас в покое, решительно не приходилось.

Я находился так близко от него, что видел, как пузырилась влага в трепещущих ноздрях тупого черного рыла жуткого зверя. Тур снова яростно фыркнул и еще раз угрожающе повел рогатой головой, а потом топнул ногой. Его копыто оставило в мягкой земле глубокую борозду, после чего чудовище опустило голову, изготавившись к нападению.

В этот миг Вульфард спас мою жизнь. Он был или очень смел, или очень глуп.

– Зигвульф, не шевелись! – хрипло выкрикнул он и вскочил на ноги, успев подхватить с земли шляпу. Обернувшись к туру, мой спаситель махнул перед ним шляпой и пару раз подпрыгнул, проорав что-то нечленораздельное. Затем он развернулся на месте и со всех ног кинулся к ловчей яме.

Я и подумать не мог, что громадное животное способно двигаться так быстро. В первое мгновение тур застыл было на месте, а в следующее уже подобрал могучий круп и ринулся вперед, низко опустив голову: его ножищи мелькали, сливаясь в одно пятно. От топота копыт земля подо мною задрожала, а затем животное, обдав меня затхлым духом, промчалось мимо того места, где я лежал, оцепенев от ужаса. Мое сердце успело стукнуть лишь раз, а тур уже нагонял Вульфарда, пытавшегося спастись от его смертоносных рогов.

Егерь выбежал на поляну. Здесь, на открытом месте, ему было совершенно негде укрыться. И все же он сохранял хладнокровие. Когда до края ямы оставалось не более трех шагов, он мельком оглянулся через плечо и в самый последний миг метнулся в сторону. Тур в своем оголтелом разбеге не смог резко остановиться или свернуть и промчался мимо.

Как только громадное животное наступило на плетенку, покрытую тонким слоем дерна, она провалилась под тяжестью огромной туши. Обломки веток и комья земли разлетелись по сторонам, а взревевший от ярости гигантский зверь оказался в яме.

Возможно, Вульфард не точно учел местонахождение ловушки или недооценил длину рогов быка. Когда тур падал, егерь покачнулся и замешкался на краю ямы. С невероятным

для столь гигантского существа проворством чудовище еще на лету извернулось, и острие его правого рога пронзило куртку егеря чуть ниже подмышки. Вульфард, замерший было на краю ямы, рухнул вниз, к разъяренному зверю.

Еще не придя в себя, я неуверенно поднялся, подбежал на дрожащих от пережитого страха ногах к яме и, остановившись на краю, осторожно заглянул вниз. Вульфарда уже ничто не могло спасти. Он провалился между стенкой ямы и боком тура и умудрился подняться на ноги за его могучим крупом. Но вне досягаемости рогов он пробыл лишь короткое мгновение: разъяренный монстр непостижимым образом повернулся, и я увидел, как он вонзил рог прямо в грудь охотника. Рог проткнул Вульфарда насквозь, как вертел – приготовленного для жарки поросенка, и острие вышло у него из спины. Яростно махнув головой, тур подбросил несчастного высоко в воздух. Тело егеря перевернулось и снова рухнуло в яму. Огромный бык подхватил его на оба рога и подбросил еще раз. За эти мгновения он так страшно изувечил несчастного егеря, что мне оставалось лишь молиться, чтобы тот поскорее встретил смерть. Тур же снова и снова подхватывал рогами свою жертву и подкидывал ее вверх. Повторив эти безумные смертоносные выпады несколько раз, чудовище позволило тому, что только что было человеком, рухнуть в грязь на дно ловчей ямы. Затем, к моему ужасу, бык попятился, насколько позволяла теснота в яме, опустил голову и снова проткнул мертвое тело рогами. Подняв останки Вульфарда как некий ужасный трофей, лесной великан принялся мотать головой из стороны в сторону, словно терьер, расправляющийся с пойманной крысой. Терьер при этом рычал бы от ярости, тур же оглушительно ревел в гневе и отчаянии.

Лишь когда изуродованное тело Вульфарда превратилось в кровавое месиво, тур, наконец, уронил свою жертву в истоптанную грязь, и его яростный рев стал мало-помалу стихать. Я видел сверху, как раздувались и опадали бока животного. Затем зверь поднял огромную голову и устремил на меня безумный, ненавидящий взгляд окаймленных белым глаз.

Какое-то время я ничего не соображал, а потом осознал, что на противоположной стороне ямы стоит Вало. Он тоже наблюдал сверху за ужасной смертью отца. По его лицу бежали слезы, и он трясся всем телом. На мгновение я испугался, что Вало сейчас прыгнет в яму, чтобы достать останки отца или попытаться отомстить его убийце. Но он не сделал ничего подобного, и лишь когда рев быка наконец смолк, запрокинул голову и сам испустил ужасный, прерываемый рыданиями боли и отчаяния вой, далеко разнесшийся по округе.

Глава 2

В королевскую канцелярию меня вызвали тремя неделями раньше. Едва в куполе Ахенской базилики успел зазвонить колокол, созывавший на вечернюю службу, как в мою дверь постучал встревоженный с виду молодой писец с кроличьими зубами. Он мямлил, запинаясь и смотрел в землю, а не на меня, потому что я не успел надеть повязку, которую обычно ношу, оказываясь на людях. И франки, и мои соплеменники-саксы верят, что глаза разного цвета у человека – это личная метка самого повелителя зла. У меня же один глаз голубой, а другой – зеленовато-карий. Это небольшое отличие от других людей спасло мне жизнь, когда, в бытность мою подростком, король Уэссекса Оффа захватил крохотное королевство, принадлежавшее моему роду. Моих отца и братьев Оффа убил, но мне сохранил жизнь, опасаясь навлечь на себя несчастье этим убийством. Вместо этого он выслал меня из своей страны ко двору короля франков, самого могущественного из правителей Европы, чьи владения сегодня простираются от побережья Атлантики до темных лесов за Рейном. Мое изгнание было обставлено суровыми условиями. Оффа рассчитывал на то, что я испытаю все тяготы и печали положения *winelas guma*, как у нас называют человека без друзей, являющегося добычей для каждого, кто пожелает причинить ему любой вред или, допустим, заставить работать на себя. Но, как ни удивительно, я не только уцелел, но и преуспел. За службу во время Испанского похода я был вознагражден ежегодным денежным содержанием и получил в дар домик на краю королевского квартала.

Юный гонец, топтавшийся у порога, дал мне также понять, что не хотел бы входить в дом. Причиной этому, решил я, служил всем известный факт, что я делил свое жилье с чужеземцем довольно зловещего облика. Благодаря смуглой сарацинской коже, ироничным манерам и хромой искривленной ноге Озрик внушал опасение правительственным канцеляристам и служил для них постоянным предметом застольных сплетен. Когда-то этот человек был рабом: мой отец купил его, когда я только-только появился на свет. Теперь же он был моим другом и доверенным компаньоном.

Я вернулся в дом, надел на глаз неизменную повязку и взял тяжелый плащ, достававший мне до самых щиколоток. В этот поздний час жаровни в канцеляриях наверняка должны были догореть и погаснуть, а ее помещения славилась сквозняками. Затем я отправился вслед за гонцом по дорожкам, крест-накрест пересекавшим королевский квартал Ахена. Идти в сумерках приходилось с опаской, так как повсюду кипела непрерывная стройка. Тут и там без особого порядка были навалены кучи песка, кирпичей и тесаного камня. Каждый вечер возникали временные мастерские и склады, вынуждая прохожих искать обход. Знакомая дорожка вдруг оказывалась перегорожена лесами или барьером перед свежевырытой канавой под фундамент для нового здания. Все время, сколько я знал Карла, король энергично подгонял здесь, на севере, строительство своей новой столицы и не стоял за расходами, стремясь сделать так, чтобы его обиталище стало не хуже Рима. Уже были закончены сокровищница, суд и казармы гарнизона. А вот высоченный зал совета, рассчитанный на места для четырехсот человек, все еще являл собой пустую коробку, да и самое любимое детище Карла – королевская капелла еще не была готова для торжественного освящения. Для нее были заготовлены колокола, мраморные колонны и рельефная бронзовая двустворчатая дверь, отлитая здесь же и изрядно обогатившая владельца литейной мастерской. Но до завершения капеллы было пока далеко: целой армии ремесленников предстояло трудиться еще не один месяц, чтобы вмуровать в цемент яркие мозаики, которые должны были потрясать молящихся.

По пути в канцелярию мы почти никого не встретили, кроме разве что нескольких человек, спешивших в базилику к начавшейся уже службе. Оттуда доносились слова псалма

в проникновенном исполнении большого хора да долетал легкий запах курящегося ладана. Я ускорил шаги и постарался держаться в тени, не желая, чтобы кто-то заметил, что я не был на службе. Карл с каждым годом становился все более набожным и того же самого ожидал от своих приближенных. Те, кто вроде меня был нетверд в вере или вовсе не имел ее, должны были соблюдать хотя бы внешнюю видимость религиозности, дабы не навлечь на себя королевскую немилость.

У входа в канцелярию мой провожатый все же набрался смелости и сообщил, что хотел бы посетить службу, пока она не завершилась, и что меня, как я и предполагал, пожелал увидеть Алкуин Йоркский. Я заверил своего спутника, что отлично знаю, где находится кабинет Алкуина. Склонив голову в признательном поклоне, юноша умчался прочь, а я отправился, куда было велено.

С Алкуином Йоркским я познакомился тринадцать лет назад, в тот самый день, когда наивным юнцом со стертыми ногами и в сопровождении хромого раба пешком явился в Ахен. Алкуин был священнослужителем, ученым и учителем королевской семьи, а также советником короля по самым деликатным государственным вопросам. Хорошо и давно зная этого человека, я нисколько не сомневался в том, что сейчас он стоит на коленях в первом ряду молящихся и мне нет никакого смысла дожидаться его, болтаясь по пустым промозглым коридорам. Поэтому я решительно направился к его кабинету, втайне сожалея, что король Оффа не видит моей самоуверенности, и, не дав себе труда постучать, распахнул дверь и смело вошел в комнату.

Этот кабинет больше походил на келью монаха, нежели на рабочее место сановника. На чисто-белой оштукатуренной стене висел простой деревянный крест, а прямо напротив него располагался большой стол, тоже деревянный, с неудобным на вид деревянным же табуретом: сидевший на нем, подняв глаза от работы, неизменно упирался взглядом в распятие. Никакой другой мебели в комнате не было, если не считать полок, выстроившихся вдоль двух оставшихся стен. На столе стоял железный подсвечник с тремя свечами из дорогого пчелиного воска. Ради экономии в нем горела лишь одна свеча, освещавшая лист пергамента, перо и чернильницу. Судя по всему, Алкуин работал допоздна и покинул кабинет лишь для участия в службе. Скоро он должен был вернуться.

Я закрыл за собой дверь и решительно подавил желание полюбопытствовать, что писал Алкуин. Вместо этого я подошел к полкам и взял в руки предмет, сразу привлечший мое внимание. Здесь, в этой аскетической обстановке, он выглядел совершенно неуместно. Это был огромный, почти в добрый ярд, рог для питья. По форме он очень походил на те рога, которые использовали на королевских пирах, однако они были вполтину меньше того, что я держал в руках, и делались из стекла или из коровьих рогов. Я подошел с ним поближе к свече и попытался понять, из чего же он сделан. Темная поверхность рога была отполирована до глянцевого блеска, а вокруг его открытого конца шел широкий серебряный обод. Я заглянул внутрь. Сколько же жидкости могло бы туда вместиться! Из сосуда отчетливо пахло элем... В этот момент я услышал, что кто-то шаркающей походкой идет по каменному полу коридора. Поспешно положив огромный рог на место, я обернулся, и в тот же миг хозяин кабинета открыл дверь и вошел в комнату.

Как обычно, Алкуин, казалось, не замечал вечернего холода. Одет он был лишь в простую темно-коричневую рясу и сандалии на босу ногу. Этому сухопарому, чуть выше среднего роста человеку было уже под пятьдесят. Волосы его изрядно поредели и отступили назад, что лишь подчеркивало его высокий мудрый лоб и вытянутое умное лицо. Бледность и чуть заметные веснушки выдавали его северное происхождение, а серые глаза сохраняли острую проницательность, которую я запомнил по предыдущим беседам. Мне показалось, что он выглядел усталым – видимо, очень много работал.

– Зигвульф, благодарю, что сразу откликнулся на мой призыв, – начал Алкуин. Вероятно, то, что я так бесцеремонно вошел в его кабинет, этого человека несколько не беспокоило. Он не предложил мне снять плащ, из чего я заключил, что разговор будет непродолжительным.

– Полагаю, ты слышал о дарах от халифа Харуна, – сказал сановник. У него была своя, довольно необычная манера разговора. Он тщательно подбирал слова и употреблял их так точно, будто читал лекцию. Я внимательно слушал его. Алкуин имел заслуженную репутацию человека, не любящего ходить вокруг да около, а меня занимала причина, по которой он мог в столь поздний час вызвать меня к себе.

– Мне рассказывали о рыцаре – хранителе времени, – ответил я.

Больше всего разговоров ходило об одном из даров – механических часах. Каждый час из крохотной беседки появлялась фигурка рыцаря в доспехах, ронявшая металлический шарик на металлическое блюдо. Никто и никогда прежде не видал такой искусной и хитроумной работы.

– Будем надеяться, что рыцарь не заржавеет. У нас нет мастера, который мог бы починить его, – сухо заметил Алкуин.

В том, что Карлу привезли подарки от чужеземного властелина, не было ничего необычного. Во дворце вели постоянный учет самых различных предметов (и оценивали их стоимость) – драгоценных камней, монет, оружия и доспехов с ювелирной отделкой, мехов, предметов из резной кости, свертков дорогих тканей и тому подобного. Кое-что отбирали для того, чтобы держать на виду, но большинство подарков хранили в королевской сокровищнице: здании без окон, со стенами в три фута толщиной, примыкавшем ко все еще не достроенной палате совета.

– Что тебе известно об этом халифе? – спросил Алкуин.

– Лишь то же самое, что и всем, – осторожно ответил я. – Столица у него в городе под названием Багдад. Это очень далеко отсюда, за Иерусалимом и Святой землей. Он живет там в богатстве и несравненной роскоши. Что подтверждается великой ценностью его даров.

Мой собеседник строго взглянул на меня, как будто осуждал за неосведомленность.

– Харун ар-Рашид – один из трех могущественнейших властелинов мира. – Он произнес это так, будто делал внушение ленивому, но не безнадежному ученику. – Двое других – это константинопольский император и, конечно, наш Карл. Среди многочисленных титулов и званий Харуна самый почетный – повелитель правоверных. Он называет себя верховным правителем всех сарацин.

– Насколько мне известно, на такой же титул претендует и эмир Кордовы, – пробормотал я.

Рану в плече я заработал во время неудачного похода армии Карла в Испанию для поддержки мятежников, восставших против этого самого эмира. Я припоминал, что бунтовщики – тоже сарацины – просили помощи не только у Карла, но и в лежавшем вдали Багдаде.

– Ты прав. Эмир Кордовы отказался признать верховенство халифа. Не стану отягощать тебя подробностями, но предки Харуна, захватив власть в халифате, истребили всех родственников эмира, до каких сумели дотянуться. Единственный уцелевший сбежал в Испанию и основал там собственное независимое государство. Обе династии люто ненавидят друг дружку, – рассказал Алкуин, и я, наконец, понял, куда он клонит.

– Получается, что Харун посылает Карлу дорогие дары в знак признания его власти и демонстрации дружеского расположения! – воскликнул я.

Сановник поощрил меня чуть заметной улыбкой:

– Зигвульф, я рад, что тебе не потребовалось много времени, чтобы понять, что к чему.

– Мой друг Озрик как-то сказал, что у сарацин есть пословица: «Враг моего врага – мой друг».

В мыслях моих закопошился червь сомнения. Не мог ли неожиданный вызов к Алкуину быть как-то связан с Озриком?

Однако следующая реплика хозяина кабинета не прояснила ровным счетом ничего:

– Обычаи и вежливость требуют, чтобы Карл в ответ на щедрость Харуна вознаградил его столь же ценными и редкими дарами. Король уже спрашивал моего мнения по этому поводу.

– Непростая задача, – равнодушно заметил я.

Алкуин бросил на меня острый взгляд – возможно, он принял мои слова за насмешку.

– Халифу не пошлешь связку клинков! – повысил он голос.

Франкские оружейники славились качеством своих изделий, и клинки для мечей всегда входили в число тех подарков, которые Карл посылал другим правителям.

Алкуин тем временем вернулся к своему обычному спокойному тону:

– Халиф, несомненно, знает о зверинце Карла, иначе зачем бы он прислал Его Величеству среди других даров слона.

Я даже ахнул. В королевском зверинце имелись волки, медведи, леопарды, павлины, рыси и даже пантера, присланная базиливсом, императором Константинополя. А если к ним прибавится еще и слон... Мысль о том, что к ним может присоединиться этот диковинный зверь, взбудоражила меня неожиданно сильно.

Собеседник не без удовольствия наблюдал за моим волнением.

– К сожалению, животное не выдержало путешествия, – добавил он.

Мое воображение разыгралось еще пуще. Я немало слышал о слонах. Да и кто о них не слышал? О них говорилось во многих легендах, повествующих о сказочном востоке, а отлученный от церкви священник, бывший моим учителем в далеком детстве, рассказывал о том, как в древности римляне обучали их для войны. Но, насколько мне было известно, в Европе уже много веков не видели ни одного слона. Они были поистине мифическими зверями.

– Но умер этот слон очень некстати, – продолжал Алкуин. – Особый был зверь. Шкура у него была светлая, почти белая, и толковалось это как знак великого уважения халифа к Карлу. Судя по всему, белый в Багдаде – это королевский цвет. Во внутренний город там допускают только в белых одеждах.

– Отчего же умер слон? – спросил я.

– Это тебе придется спросить у того, кто возглавлял посольство из Багдада. Он полон сожаления о случившемся.

Будь я повнимательнее, эти слова Алкуина заставили бы меня насторожиться и подготовиться к дальнейшему. Но слишком уж глубоко я погрузился в размышления о слоне, который мог бы поселиться в Ахене, чтобы сразу понять, что последует дальше.

Сановник же не стал заканчивать свою мысль.

– Я познакомлю тебя с ним в другой раз, – сказал он только. – Он тебе понравится. Очень воспитанный и обходительный человек. Он раданит, и зовут его Аврам.

– Раданит? – повторил я, все еще не понимая, куда гнет мой собеседник.

– Раданиты исповедуют иудейскую веру. – Я уловил в его голосе нотку неодобрения. – Большую часть жизни они проводят в дороге, странствуя с одного рынка на другой. И торгуют, торгуют, всегда торгуют. Сеть знакомств и содружеств, сплетенная ими, простирается от Испании до Индии.

Я неохотно отрешился от мечты увидеть слона и попытался сосредоточиться на словах Алкуина.

– Если город или поселение процветают на торговле, можно не сомневаться, что там имеются раданиты – хоть одна или две семьи, – продолжил он. – Нам известно, что во владениях Карла они покровительствуют торговому пути по Роне и что в городах вдоль реки

обитают несколько их семейств. Но где и как их можно встретить, никто не знает. Эти люди держатся скрытно. Говорят, что они опознают друг дружку по тайным знакам.

Он немного помолчал, а потом заговорил снова:

– Наш король решил, что негоже уступать халифу Харуну в щедрости и что нужно отправить в Багдад животных, которые будут не менее редкими и диковинными, нежели почти что белый слон. – До сих пор слова Алкуина лишь удивляли и заинтриговывали, но теперь он просто ошеломил меня. – Зигвульф, король лично приказал, чтобы наше посольство в Багдад возглавил ты.

Я настолько не ожидал ничего подобного, что на некоторое время утратил дар речи.

– И каких же зверей я должен буду отвезти? – хрипло выдавил я.

Алкуин ответил с улыбкой, полной ядовитой иронии:

– А вот об этом Карл расскажет тебе самолично. Он, несомненно, уже покинул капеллу и вернулся в свои покои. А тебя он ожидает увидеть... безотлагательно.

Беседа закончилась. Все еще огорошенный, я неуверенно побрел к двери и опомнился уже в коридоре. И лишь закрывая за собой дверь, я осознал, что, когда я спросил о том, каких животных нужно будет везти в Багдад, сановник мельком бросил взгляд на огромный рог в серебряной оправе.

* * *

Ночное небо полностью затянуло тучами, и в крытой аркаде, соединявшей канцелярию с королевскими покоем, стояла почти непроглядная темь. Среднюю часть аркады еще не достроили, плиты, которыми была вымощена остальная дорожка, валялись там в беспорядке, однако я пробрался там, не упав и даже ни разу не споткнувшись. Я ходил этим путем невесть сколько раз, по большей части после захода солнца, хотя в последние месяцы эти прогулки случались все реже. Как правило, я бывал здесь, когда меня приглашала провести с нею ночь Берта, одна из многочисленных дочерей Карла. Она заметила меня вскоре после того, как я, еще совсем юношей, прибыл сюда, и ее привлекла моя наивность, а также, как я довольно скоро сообразил, экзотика в виде разноцветных глаз и иноземного происхождения. Со временем ее привязанность ко мне охладела, и я сдвинулся далеко вниз в списке тех, кого Берта призывала к себе на ложе. Однако ей нравилось иной раз подергать за старые струны, и, желая внести разнообразие в круг своих любовников, она вновь звала меня к себе. Я отлично знал, что отношения эти становятся все менее и менее надежными и даже опасными. Если бы Его Величество узнал о том, что его дочь делается все ненасытнее в своем сладострастии, он вполне мог бы остановить ее, наглядно покарвав кого-нибудь, кого сочтет нужным обвинить в дерзновенном посягательстве на честь принцессы. Как человек, попавший к франкскому королевскому двору со стороны, я был вполне подходящей кандидатурой для показательной казни, а потому со страхом думал о том, какое наказание он может выдумать – наиболее вероятными мне казались смертная казнь или кастрация, – и уже решил прервать отношения с Бертой. Но и тут следовало проявлять величайшую осторожность. Мой отказ иметь с нею дело вполне мог подтолкнуть ее к мести, да и, прямо говоря, я до сих пор находил принцессу очень соблазнительной. Она уделяла очень много внимания своей внешности, подкрашивала губы ягодным соком и прикрывала тонким слоем пудры первые изъяны, начавшие появляться на ее безукоризненном до недавних пор лице. Можно было не сомневаться в том, что она красила длинные волосы, которые часами расчесывали и укладывали ее служанки. Но тело ее совершенно не нуждалось в подобных ухищрениях. С достижением зрелости прекрасное, как изваяние, тело Берты сделалось еще более роскошным и манящим.

Жилые покои короля занимали весь первый этаж величественного здания, расположенного в северо-восточном конце королевского квартала. У подножия широкой лестницы я сделал вид, что не заметил, как мне подмигнул один из стражей: я узнал в нем одного из тех воинов, которые всегда получали мзду за то, что отводили взгляды, когда я посещал Берту. Его сотоварищи обыскиали меня – не спрятал ли я оружие – и пропустили к уже ожидавшемуся меня лакею, на руки которому я сбросил плащ. Ближних слуг Карла нисколько не удивляли посетители, являвшиеся к их господину в поздний час. Король издавна привык спать после полудня, а потом заниматься делами до глубокой ночи. Было также хорошо известно, что он мог не ложиться и под утро: частенько Его Величество покидал в предрассветный час свои покои и бродил без всякой охраны по королевскому кварталу, чтобы своими глазами видеть, что и как там происходит. Однажды я до полусмерти перепугался, когда, торопясь на свидание с Бертой, чуть не наткнулся на него, и у меня до сих пор не было уверенности в том, что он не узнал меня, хоть я и удачно скрылся в темноте.

После короткой заминки лакей провел меня вверх по лестнице к большой двустворчатой двери. Коротко и громко постучав, он приоткрыл ее ровно настолько, чтобы я мог проскользнуть внутрь.

Войдя, я невольно зажмурился. В отличие от полутемной кельи Алкуина малая приемная Карла была залита ярким светом: повсюду горели длинные толстые свечи. Они были вставлены в паникадила, свисавшие с потолочных балок, в высокие железные канделябры и в бра, прикрепленные к стенам. Последние были снабжены еще и зеркалами из полированной стали, усиливавшими свет. Благодаря всему этому великолепию в помещении было тепло и светло, как днем, а кроме того, сладко и густо пахло пчелиным воском. Просторная комната сама по себе производила впечатление уюта, который особенно усиливала роскошь обстановки. Для защиты от непогоды в окна были вставлены листы стекла. Стены украшали льняные полотна, на которых многоцветными красками были искусно нарисованы сцены охоты. На кушетке с подушками, застеленной толстым ковром, Карл часто спал во второй половине дня. Другой столь же роскошный ковер лежал на большом столе, не скрывая, впрочем, резных ножек в форме диковинных зверей. Довершали обстановку с полдюжины складных кресел из какого-то темного экзотического дерева и – как же без него! – распятие. У Алкуина был простой, ничем не украшенный крест, висевший на белой стене. Здесь же крест, раза в четыре больше, стоял на подставке из бледно-зеленого мрамора – так, что прежде всего бросался в глаза любому вошедшему. Его перекладина была инкрустирована полудрагоценными камнями, поблескивавшими в свете свечей.

Но доминировал над всем, что имелось в помещении, безусловно, сам Карл, возвышавшийся за письменным столом. Я как-то успел забыть, как Его Величество был высок и широкоплеч. Он был выше меня по меньшей мере на голову, могучий, широкий в кости и плечах, с большими руками и ногами. В тщательно подстриженных и умашенных пышных волосах его проглядывала седина, а лицо украшали длинные висячие усы, столь популярные у франков. Как обычно, одет он был весьма скромно для особы такого ранга, но в наряды из наилучшей материи. На нем были чулки и туника из тонкого, как шелк, темно-синего сукна, а также башмаки и подвязки из мягкой бледно-голубой кожи, обильно украшенные серебряными бляшками в виде листочков. Он почти не носил драгоценностей – лишь на правой руке у него красовался массивный золотой перстень с большим красным камнем да плетеный золотой обод на мощной шее. Хотя в комнате было тепло, он сидел в безрукавке из короткого меха (мне показалось, что это был мех выдры). Безрукавка была не застегнута, потому что король франков и патриций римлян к тому времени отрастил весьма объемистое чрево.

Я поклонился.

– Зигвульф, у меня есть для тебя задание, – резко бросил правитель. Он, как и Алкуин, предпочитал сразу говорить о деле. Голос у него был неожиданно высокий для такого крупного человека – даже пискливый, тогда как речь советника звучала спокойно и благозвучно.

Я стоял в растерянности, не в силах оторвать взгляда от предмета, который Карл держал в руках. Это был еще один огромный, оправленный в серебро рог для питья, точь-в-точь такой же, какой я только что видел в келье Алкуина. Правда, в руках у великана-короля он не казался слишком уж большим.

– Это осталось со времен моего деда, – сказал Карл, заметив выражение моего лица, и покрутил рог в руках.

Я молча ждал продолжения.

– Алкуин говорил тебе о слоне, которого халиф выбрал для меня? – спросил король.

– Очень жаль, Ваше Величество, что зверь не выдержал долгой дороги, – пробормотал я, потому что молчать дольше было бы невежливо.

– Неважно. Я pošлю ему зверя не хуже. – Правитель подкинул рог на руке, как будто похвалялся им передо мною. – Ну, конечно, не такого громадного, как слон. Но пара – сравняется!

В своем возбуждении он вел себя совсем по-мальчишески. Я же снова не мог понять, о чем он вел речь.

– Вульфард, мой главный егерь, говорит, что это возможно, – добавил Карл.

Наконец он то ли заметил недоумение на моем лице, то ли вспомнил, что я вырос не среди франков, а прибыл сюда издалека.

– Зигвульф, это рог самого крупного, самого опасного зверя из всех, какие встречаются в моем королевстве, – пояснил он. – Для охоты на тура надобны хорошие навыки и большая смелость. Тому, кто добьется успеха, в знак признания героизма достается наивысший трофей – такой вот рог.

Взгляд больших серых глаз короля задержался на моем лице, и Карл вдруг стал серьезным:

– Зигвульф, ты доставишь от моего имени в Багдад двух туров, быка и корову. Они и будут моим «слоном». Харун сможет потом развести от них в своем зверинце хоть стадо. А помогать тебе будет твой друг, сарацин.

Памяти Карла можно было только удивляться. Если бы не она, вряд ли ему удалось бы столь крепко держать в руках всю Европу. Он запоминал мельчайшие подробности и руководствовался ими, когда нужно было составить о ком-то целостное представление. Озрик же сыграл заметную роль во время Испанской кампании, когда спас мне жизнь.

Карл вдруг зашелся визгливым, больше похожим на хихиканье, хохотом.

– Я начинаю походить на тех поругавшихся охотников из басни, – сказал он, улыбнувшись мне и откровенно предлагая разделить его веселье.

На сей раз я знал, что Его Величество имел в виду. В известной басне два охотника собрались идти на медведя, но не смогли договориться заранее о том, кому достанется его шуба, в результате чего поссорились и вовсе не пошли на охоту.

– Сначала туров нужно изловить, – сказал король. – Я дам Вульфарду столько народу, сколько он попросит. Ты же будешь вместе с ним – узнаешь, как эти звери живут в лесу, что они едят, каковы их повадки и все прочее. Ты должен научиться ухаживать за животными, чтобы они благополучно перенесли путешествие – в отличие от несчастного слона. – С этими словами правитель подошел к столу и положил на него турий рог. Я решил, что беседа закончилась и сейчас он повелит мне уйти. Но он добавил, не оборачиваясь: – Зигвульф, сними с глаза повязку. Сейчас я покажу тебе нечто такое, что нужно рассматривать обоими глазами.

Я послушно снял повязку. Карл узнал о том, что у меня разноцветные глаза, в первый же день, когда я прибыл к его двору.

Когда Его Величество повернулся ко мне, в руках у него было то, чего я никак не ожидал увидеть: книга.

По словам Берты, ее отец не умел ни читать, ни писать. Она также рассказала, что он держит под подушкой стилус и восковые таблички, на которых упражняется в письме, но что он так и не добился в этом деле заметных успехов. Он, конечно же, мог написать свое имя и сам придумал внушительную монограмму в виде креста, с множеством завитушек, которую рисовал на официальных документах, подготовленных секретарями. Мог он также разобрать несколько написанных слов, но на целую книгу его знаний не хватило бы.

Мальчишеская веселость Карла сменилась чуть ли не заговорщической манерой, как будто он хотел поделиться со мною какой-то тайной.

– Тебе предстоит не только научиться ухаживать за турами, но и добыть еще несколько животных, которые тоже будут моим даром халифу Харуну, – сказал он.

– Как прикажете, Ваше Величество, – ответил я. Ошибочно истолковать его слова было просто невозможно. Это был приказ, и я никак не мог отказаться от его выполнения. Королю вовсе не требовалось напоминать мне о том, что я изгнан из родной страны и сама моя жизнь целиком и полностью зависит от него. Я всецело пребывал в его власти.

– Алкуин сказал тебе, что умерший слон был почти совсем белым? И что белый в Багдаде – королевский цвет? – уточнил правитель.

– Сказал, Ваше Величество.

Король раскрыл книгу:

– Я решил, помимо туров, подарить халифу еще несколько различных и интересных животных. И все они будут белыми.

В его голосе отчетливо прозвучала нотка самодовольства. У меня не было никаких сомнений в том, что все, о чем Карл сейчас говорит, он заранее обсудил с Алкуином. Это заставило меня еще сильнее насторожиться и слегка встревожило.

Король перелистывал книгу, разыскивая что-то определенное. Оттуда, где я стоял, можно было разглядеть, что на каждой странице имелись красочные картинки, но что именно было изображено, я разобрать не мог, так как глядел на книгу вверх ногами.

– У халифа в Багдаде, во дворце, тоже есть собственный зверинец. – Его Величество чуть заметно нахмурился и дальше уже, казалось, не столько обращался ко мне, сколько говорил сам с собой: – Аклуин сообщил, что его собрание животных – настоящее чудо света. Там есть дикие звери из самых дальних стран, из Индии и даже дальше.

Он никак не мог отыскать нужную страницу и, дойдя до конца книги, вновь принялся листать ее с начала:

– Я должен послать ему зверей, каких у него еще нет. Таких, которые изумили бы его и восхитили бы. Чем восхитили? Белым цветом. О! Вот оно!

Король повернул книгу так, чтобы я мог посмотреть на картинку.

Книга оказалась бестиарием. Художник изукрасил ее изображениями самых удивительных и редких зверей. На иллюстрации, которую показывал мне король, был изображен полярный белый медведь.

– Представь себе, что скажет Харун, увидев такого громадного и могучего, да еще и белого медведя! – с триумфом воскликнул Карл. – Он поймет, что у нас, на севере, есть животные, ничуть не уступающие его тиграм и львам.

Я с трудом сглотнул слюну – во рту у меня вдруг пересохло.

– Ваше Величество, если я правильно понял, вы желаете, чтобы я доставил в Багдад белого медведя и двух туров? – В голове у меня уже рисовались картинки – одна другой

страшнее. Животное, привыкшее к снегу и льду, непременно сдохнет от жары по пути в столицу халифа. Белый медведь ни за что не переживет такую поездку!

– Нет, Зигвульф, не одного белого медведя, а пару, – негромко отозвался король. Он вновь принялся листать bestiарий, на сей раз быстро нашел то, что хотел, и снова показал мне картинку: – И по меньшей мере пару таких. Если удастся, то больше.

На странице была изображена хищная птица. Художник тщательно вырисовал изящные острые крылья, аккуратную головку и грозный изогнутый клюв. Изобразил он и ярко-желтые глаза, и серые когти птицы, а вот поджарое тело оставил нераскрашенным, так что она была чисто белой, если не считать редко разбросанных по ее телу темных точек.

Тут у меня немного отлегло от сердца. На королевском сокольном дворе уже было несколько таких птиц – кречетов, или, как называли их франки, гирфалконов. Они ценились так высоко, что использовать их для охоты мог только король и несколько самых важных его вассалов. Вряд ли кречеты будут страдать от жары, как белые медведи. И все же у меня остались сомнения. Цвета оперения у птиц, которые сидели на шестах в клетях королевского охотничьего птичника, менялись от серебристо-бурого до почти черного. А вот белой, как на иллюстрации этой книги, я никогда не видел и сразу задумался, где же отыскать кречета столь необычного цвета.

Но король не позволил мне долго думать. Он любил соколиную охоту и очень хорошо разбирался в птицах.

– Зигвульф, мой главный сокольный назовет тебе имена торговцев, которые промышляют этими птицами, – сказал он. – Ты же купишь у них только чисто-белых соколов. Для этого у тебя будет богатая казна.

– Где же мне искать этих торговцев? – решил спросить я.

– Далеко на севере, – ответил Карл с истинно монаршим пренебрежением к деталям. Его дело приказать, всех остальных – выполнить. – И кречеты, и белые медведи – все живут там. Чем дальше на север заберешься, тем белее будут животные.

Но и на этом Его Величество не остановился. Он снова принялся листать книгу и на сей раз отыскал нужную страницу почти сразу.

– И пока ты будешь добывать соколов и медведей, постарайся отыскать мне еще и такого зверя.

Он расправил страницу передо мной. На ней был изображен лесной пейзаж. Под деревом, густо увешанным спелыми плодами, сидела красивая девушка. Иллюстратор нарисовал ее одетой в длинное, ниспадающее свободными складками платье, а волосы ее были свободно раскинуты по плечам. Она казалась самым воплощением целомудрия. Босые ноги девушки утопали в травяном ковре, испещренном яркими цветами. Задний план закрывал невысокий кустарник, а левый край картины занимала опушка леса, где среди деревьев стояли двое мужчин в охотничьей одежде. Один держал в руке копьё, а другой – свернутый аркан. Было сразу ясно, что они сидят в засаде и готовы броситься на добычу. Предполагаемой же добычей была отнюдь не беззащитная юная дева, а изящное четвероногое животное, походившее на первый взгляд на олененка или жеребенка самых чистых кровей. Оно было изображено в самой середине рисунка полулежащим на траве, приподнявшимся на передние колени и доверчиво положившим голову на колени девушки. Это положение таило в себе некую опасность для нее, так как из лба животного торчал длинный, зловещего вида рог с красивым спиральным узором.

Зверь этот тоже был чисто-белым.

Толстый тупой палец постучал по странице:

– Отыщи мне единорога! – Желание короля было четко определенным, и я хорошо понимал, что проявлять свое изумление ни в коем случае не следует. Конечно, я слышал о единорогах, как и о слонах. Но мне никогда не приходилось слышать о том, чтобы кому-

нибудь удалось увидеть живого единорога своими глазами, равно как и об очевидцах живых слонов. Где-то в дальних закоулках памяти сохранился рассказ моего учителя о зверях с одним рогом, которых римляне показывали на представлениях в своих цирках. Глядя на грозный рог нарисованного существа, я вдруг подумал, что те же самые римляне вполне могли обучать таких животных для войны. Они были бы не менее грозны в бою, чем слоны.

– Как соизволит повелеть Ваше Величество, – сказал я, стараясь скрыть свои сомнения.

Однако король уловил неуверенность в моем голосе:

– Ты видишь какие-то трудности?

Я глубоко вздохнул:

– Ваше Величество только что сказали, что белых животных обычно находят там, где лежат снега и льды. Но если верить этой картине, то мне сдается, что единороги обитают в куда более теплых местах, где большие леса, где растут цветы и фруктовые деревья.

Карл еще раз взгляделся в иллюстрацию, и мне даже показалось было, что он готов изменить свое приказание. Но, видимо, желание заполучить единорога слишком уж глубоко запало в его сердце, и он не мог вот так, походя, отрешиться от него.

– Согласен, что добыть единорога будет непросто, – объявил он. – Все говорят и пишут, что это очень пугливые и хитрые создания. Так что поймать даже одного такого зверя и то будет неплохо. А уж на то, что ты привезешь пару, я и вовсе не рассчитываю.

Я отважился предпринять еще одну попытку переубедить его:

– Ваше Величество, не будет ли больше шансов поймать единорога у настоящего охотника, который живет этим делом? Вроде, например, Вульфарда...

Тут я хватил через край – правитель сурово насупил густые брови.

– Конечно, после того, как Вульфард изловит туров, – поспешно добавил я.

Король надолго остановил на мне тяжелый взгляд, и, несмотря на то что в комнате было тепло, я почувствовал, как на меня повеяло холодом.

– Я считаю, Зигвильф, что ты годишься для этого дела куда лучше, нежели Вульфард. У единорога есть известная слабость: он не способен сдерживать своей звериной страсти. При виде юной девственницы он непременно выйдет из укрытия и покорно положит голову ей на колени. Тут-то его и можно поймать!

После таких слов я и вовсе покрылся гусиной кожей. Прежде всего мне пришло на ум, что Карл дознался о моих отношениях с его дочерью. С каждой минутой наш разговор делался все труднее и труднее. Пора было уходить. Я еще раз поклонился и бочком двинулся было к двери, но Его Величество остановил меня короткой язвительной фразой:

– Зигвильф, мы еще не все обсудили.

Я еще сильнее внутренне напрягся. Несомненно, дальнейшая речь могла зайти только о Берте.

– Видел ли ты еще какие-нибудь сны, о которых мне следовало бы знать? – поинтересовался правитель.

Я с облегчением сглотнул вставший в горле ком. Карл знал о том, что у меня бывают особые сны – странные, насыщенные событиями. Если их правильно истолковать, то по ним можно предсказывать будущее. Толкование снов, увы, дело очень трудное и порой дает противоречивые результаты. Я руководствовался «Онейрокритиконом», древней книгой, в которой подробно рассказывалось о том, как правильно это делать. Написал ее грек по имени Артимедор. Экземпляр, попавший ко мне, был написан на арабском языке, и Озрик перевел его для меня. Но от этого перевода сохранилось меньше двадцати страниц – все остальное было утрачено во время войны в Испании. Мы бережно хранили их дома, в тайнике под половицей.

– В последнее время я видел совсем немного снов. И ничего такого, о чем стоило бы говорить, – честно ответил я.

Король кивнул, видимо, удовлетворенный моим ответом:

— Что ж, если будет что-то достойное внимания, не сочти за труд сообщить Алкуину. А он передаст мне.

Из малой приемной я вышел в изрядной тревоге. Я всегда считал Карла милостивым и отзывчивым государем, но теперь у меня не было столь бесповоротной уверенности в этом. На сей раз он проявил себя эгоцентричным и величественным, даже устрашающим. Возможно, это явилось результатом его более чем двадцатилетнего пребывания на троне столь грандиозного королевства. Изю дня в день нашему правителю приходилось решать множество проблем, да еще и управлять своим двором, где царила зависть и плелись интриги. Мне оставалось только порадоваться тому, что я временно исчезну из поля его зрения.

Забрав у лакея плащ, я в глубокой задумчивости спустился по лестнице. Ветер за это время разошелся, и под аркаду, у самой земли, захлестывал холодный косой дождь. Подкупленный стражник снова развязно подмигнул мне, когда я проходил мимо, и это его движение лишь подтвердило мою тревогу: я сам позволил себе оказаться в опасной близости от придворных интриг и заговоров. И следует благодарить короля за то, что он решил вытряхнуть меня из столь привлекательного комфорта. В Ахене я не мог достичь ровно никакого успеха, а задание, которое я получил, дало мне шанс испытать свои силы, понять, чего я стою, да еще и насытить мою любознательность и пристрастие к путешествиям зрелищем далеких стран. И, что немаловажно, я получал безупречное оправдание для того, чтобы удалиться от Берты на безопасное расстояние.

Выйдя из-под прикрытия дома, я повернулся и посмотрел в ту сторону, откуда дул ветер. Ночное небо походило на черный бархат. Запрокинув голову, я почувствовал, как холодные капли дождя падают мне на лицо и стекают по шее. Тут-то я и проснулся.

Глава 3

Когда тур оказался в ловушке, егеря принялись морить его голодом и жаждой. Лишь через три дня, когда животное, казалось, готово было рухнуть, ему накинута на рога веревку и умело подбросили под копыта петли из крепких вожжей – так, чтобы можно было удерживать его ноги. А потом охотники, очень осторожно, принялись подкапывать одну сторону ямы, так что отвесная стена превратилась в горку. Однако же, как выяснилось, у тура еще хватило сил попытаться атаковать своих врагов, пока те тащили его вверх по горке и запикивали в большую прочную клетку на колесах. Спуститься в яму и выкопать из вязкой глины останки Вульфарда не пожелал никто. Его изуродованный труп так и не удостоился христианского погребения и остался в той же самой ловчей яме под слоем земли и навоза.

Все это время Вало отказывался покидать место происшествия. Спал он в той самой канавке, где Вульфард прятался рядом со мною во время засады, и выпрашивал остатки еды у егерей. Они, хотя и жалели этого парня, относились к нему с опаской. Порой, если к нему кто-то приближался, он мог низко пригнуться и броситься наутек или, наоборот, принимался агрессивно размахивать руками, как будто собирался начать драку. Он быстро тощал, обрвался и был весь грязный, и я боялся, что рассудок окончательно изменит ему. Когда ловцы собрались увозить добычу, я уговорил сына погибшего егеря пойти вместе со мною вслед за клеткой с туром. Колеса повозки, которую тянули по лесу вручную, тяжело скрипели на корнях и кочках, пока ее не вытащили на довольно ровную дорогу, которая привела нас в Ахен. Там я сумел отыскать родных бедняги, и оказалось, что мать его умерла, когда он был еще младенцем. Вульфард растил его сам, по большей части в лесу, и теперь никто не пожелал взвалить на себя дополнительную обузу в его лице. Мы вернулись в Ахен, сопровождая тура, и в конце концов Вало обосновался у меня дома, где он, по своему собственному выбору, спал в пристройке – там парень чувствовал себя спокойнее, чем в доме.

– Мы могли бы взять Вало с собой на север, – предложил я Озрику, когда мы как-то сидели на лавке перед домом, грелись на утреннем весеннем солнце и обсуждали предстоящую поездку за белыми животными. С располагавшейся неподалеку стройки, где возводилось очередное королевское здание, доносился визг пил, обделывавших балки и стропила.

– Он может стать обузой, – буркнул мой друг. Радуюсь теплу, он растирал руками свою покалеченную ногу. В подпоясанной шерстяной тунике и прочных кожаных башмаках он походил на франкского купца, хотя черные глаза, смуглая кожа и, конечно, привычка носить на голове кусок материи, обмотанный вокруг теплой ермолки из серого фетра, выдавали его сарацинское происхождение.

– Его отец спас мне жизнь, – сказал я. – К тому же Вало постепенно приходит в себя. Он уже произносит целые фразы. Если мы бросим его здесь, он быстро превратится в бессловесного дурачка. Приглядывать за ним никто не берется.

Я старался говорить небрежным тоном и находить своему предложению веские обоснования, но обмануть друга, который знал меня всю жизнь, мне не удалось.

– Сдается мне, что у тебя есть еще какая-то причина для того, чтобы взять Вало с собой, – многозначительно заметил он.

С Озриком, единственным на свете, я регулярно обсуждал мои пророческие сновидения.

– Это случилось в ту же ночь, когда Карл удостоил меня аудиенции, – сознался я. – Мне снилось, что я пробираюсь через сосновый лес и вдруг слышу странное жужжание, причем очень громкое. Ко мне между деревьев бегут два волка. А жужжит масса сидящих на них пчел. Пчелы облепили волков так, что кажется, будто у них выросла вторая шкура, которая гудит и трепещет. Волки не обращают на пчел никакого внимания, а я испугался. И

тут неведомо откуда появился Вало... – Я умолк, припоминая подробности той невероятной сцены.

– Продолжай, – поторопил меня сарацин.

– Вало ведет себя как безумный. Он прямоком направляется к волкам, гладит их по головам, и они послушно садятся, вывалив языки. Он садится на землю между ними, часть пчел поднимается в воздух и перелетает на него, пока он тоже не оказывается облачен в нечто вроде плаща из пчел. А потом я проснулся.

– Что может говорить об этом «Онейрокритикон»? – спросил Озрик после продолжительной паузы.

Я тоже ответил далеко не сразу. Мы оба хорошо знали, что толкование снов по соннику может привести к такой же опасной двусмысленности, как и предсказания любого шарлатана.

– Артимедор писал, что видеть во сне сумасшедшего – доброе предзнаменование, – начал вспоминать я. – Он указывал, что ничего не удержит безумца, стремящегося к чему-то всей душой. Значит, видеть во сне безумца означает, что деловое предприятие завершится успехом.

– Не слишком убедительно, – иронически бросил мой собеседник.

– Вполне достаточно для того, чтобы убедить меня в том, что взять Вало с собой будет самым малым воздаянием за самопожертвование его отца. Вало вполне может оказаться счастливым амулетом.

– А ты не думаешь, что можешь втянуть его в нечто такое, с чем ему еще никогда не приходилось сталкиваться, подвергнуть его новым опасностям?

Озадаченный этими словами, я вопросительно посмотрел на друга:

– Что ты имеешь в виду?

– Насколько мне известно, король Оффа с прежней безжалостностью управляет Мерсией. При дворе Карла у него имеются шпионы. Он как был, так и остается твоим врагом и вполне может раскаиваться в том, что не прикончил и тебя в тот день, когда расправился со всей твоей семьей. Теперь у него появился шанс довести дело до конца.

– Но ведь мы не собираемся быть ни в Мерсии, ни рядом с нею.

Озрик на мгновение помрачнел:

– Оффа не мог не узнать о великолепных дарах, которые халиф прислал Карлу, и о подготовке ответного посольства в Багдад. Его шпионы могли уже донести, что посольство возглавишь ты. Между Франкией и Мерсией хорошее сообщение.

Он был совершенно прав. В последнее время отношения между двумя королями, Карлом и Оффой, стали чуть ли не сердечными. Они регулярно обменивались письмами, а не так давно между королевствами было заключено официальное торговое соглашение. Я вдруг осознал, что оказался в дурацком положении. Если Оффа знает, что Карл заметно возвысил меня при своем дворе, он вполне может увидеть во мне, законном наследнике узурпированного им трона, угрозу для себя. Этот правитель был известен своей жестокостью и безжалостностью. И если он и впрямь сожалеет о том, что оставил мне жизнь, с него станет попытаться исправить эту ошибку.

– Сомневаюсь, что шпионы сочтут нужным докладывать ему, что меня отправили ловить белых животных, – ответил я.

– Оффа не предпринимает ничего против тебя, пока ты находишься при дворе Карла. Это было бы прямым оскорблением Франкского королевства. А вот когда ты отправишься на эту охоту и окажешься за его пределами, у тебя уже не будет такой защиты... – Последние слова Озрик произнес чуть слышно.

– Значит, нужно будет позаботиться о том, чтобы он не смог точно узнать, куда и когда мы отправимся, – решительно заявил я. Подозрительность моего товарища оказалась очень заразной.

Сарацин смерил меня скептическим взглядом:

– Оффа не дурак. Он и сам сможет это выяснить.

Спорить с этим было бессмысленно. Главный сокольничий Карла уже рассказал мне, что белых кречетов можно раздобыть только на большом торжище, которое устраивают в Каупанге, на самой окраине Датского королевства.

Мой друг, скорчив гримасу, попытался распрямить скрюченную ногу:

– И как далеко на севере лежит этот Каупанг?

– Где-то с месяц пути. Торжище временное – по несколько недель каждое лето. Торговцы и покупатели съезжаются туда со всего Нортланда.

– А я как раз собирался насладиться летним теплом! – проворчал Озрик.

– Канцелярия уже все подготовила. Мы вернемся до конца лета, – заверил я его. – Вооруженный эскорт будет сопровождать нас до Дорестада, что на Рейне, а оттуда мы кораблем отправимся прямо в Каупанг. Там купим медведей и соколов и вернемся домой.

Озрик покачал головой, всем своим видом выражая сомнение:

– Ты только что сказал, что мы должны скрывать время и место назначения нашего путешествия. Если нас будет сопровождать отряд франкских воинов, из этого ничего не выйдет.

– Значит, придется взять маленький эскорт. Ровно столько воинов, чтобы нас не смогли ограбить по пути в Дорестада. У нас ведь при себе будет целое состояние – в полновесном серебре. Карл не поскупился на деньги.

– Дал столько, чтобы хватило даже на единорога? – усмехнулся мой друг.

– Мы очень постараемся отыскать его, ну а если не получится, то придется оправдываться перед королем.

Озрик тяжело вздохнул:

– Ну, тогда начинай подбирать слова уже сейчас. Но я вижу, что взять с собой Вало ты решил твердо.

Я поднялся на ноги:

– Нужно выяснить, как скоро канцелярия сможет подготовить деньги и организовать эскорт.

Шагая по королевскому кварталу, я думал о том, не стоило ли мне быть более честным с Озриком. «Онейрокритикон» ведь имел и другое толкование для моего сна. Согласно Артимедору, видеть во сне пчел хорошо только для крестьян. А для всех остальных такой сон предвещает серьезную опасность. Пчелиное жужжание означает беспорядок в делах, пчелы, жалящие тебя, – боль и раны, а пчелы, сажащиеся на голову тому, кто видит сон, предсказывают ему смерть.

* * *

Мы выехали из Ахена в первый день июня, в ранний час, когда в небе только-только занималась заря. Я рассчитывал, что среди таких же ранних путников, спозаранку выбравшихся на разъезженный тракт, уходящий из города, наш небольшой отряд не будет бросаться в глаза. Мы с Озриком обрядились в скромные практичные одежды, подходящие купцам средней руки, а Вало одели как слугу. Я снял с глаза повязку, чтобы не быть столь заметным, и решил надеть ее, лишь когда совсем рассветет. Нашим сопровождающим – двоим могучим воинам – пришлось оставить дома шлемы и панцири, по которым в них легко могли бы опознать королевских стражников. Каждый из них вел в поводу по паре пони, навью-

ченных корзинами, в которых лежали переложенные соломой бутылки с рейнским вином – им мы якобы намеревались торговать. Настоящее же наше богатство помещалось в седельных сумках у меня и Озрика: новенькие сверкающие серебряные денье с монетного двора в Ахене. На каждой монете размером с ноготь моего пальца чеканщики выбили с одной стороны монограмму Карла, а с другой – христианский крест. Таких монет было три тысячи – заманчивая добыча для ловкого вора!

Прошло совсем немного времени, а я уже встревожился, заметив, что Вало привлекает всеобщее внимание. Он бесцеремонно, с неприкрытым любопытством рассматривал народ, шедший навстречу по дороге. Кое-кто ухмылялся ему в ответ, другие же, встретившись с ним взглядами и разглядев луноподобное неподвижное лицо, отводили глаза и ускорляли шаг. Не обращая внимания на их поведение, Вало оборачивался и долго смотрел в спины людям, с которыми мы уже разминулись.

– Кого-кого, а Вало точно запомнят, – вполголоса сказал Озрик, поравнявшись со мной. – Остается надеяться, что шпионы Оффы не дознались, что мы взяли в путешествие сына Вульфарда. Его будет очень даже просто отыскать.

– Ну, тут уж я ничего не могу поделать, – признался я.

– Вало хотя бы знает, куда и зачем мы едем?

– Я подкараулил одну из его минут просветления и сказал, что король поручил нам купить белых медведей, соколов и единорога. Но не стал рассказывать, куда мы едем.

– Как же он отреагировал?

– Мои слова он воспринял без всякого удивления. Спросил только, сбрасывает ли единорог свой рог каждый год.

– Почему вдруг это могло его заинтересовать?

– Я спросил его об этом, и он совершенно серьезно ответил, что если единорог какую-то часть каждого года ходит без рога, то он – олень особой породы. А если нет, то это, наверно, бык.

Сарацин удивленно вскинул брови:

– Этот парень, хоть и слабоумный, немало знает о животных. Будем надеяться, что он не проболтается по дороге о цели нашего путешествия каким-нибудь чужакам.

– Он избегает чужаков. Наверно, не доверяет им, – заверил я Озрика. – Тем не менее я буду за ним приглядывать.

Мы выехали за пределы города и теперь двигались по пересеченной плавными холмами местности. Тучную землю здесь повсеместно старательно возделывали, и Вало, открыв рот, разглядывал кирпичные дома процветающих крестьян, их крытые черепицей конюшни и хлева, а также амбары, голубятни и фруктовые сады. Судя по всему, прежде он жил с отцом в глубине диких лесов, которые король хранил как свои охотничьи угодья. Подъехав вплотную к Вало, я принялся рассказывать ему о том, что он видел. Вот стадо овец в загоне, окружающем открытый навес. Двое мужчин стригли овец, а их сотоварищи складывали руно в большое корыто для промывки. Чуть позже я объяснил своему спутнику, почему несколько воловьих упряжек пахали землю, хотя, казалось бы, время пахоты давно прошло. Это была новая система земледелия, которую рекомендовали королевские советники. Чтобы повысить плодородие, поле на год оставляли незасеянным и лишь перепаживали, чтобы не было сорняков. Когда мы подъехали к водяной мельнице, сын егеря изумленно уставился на шлепавшие по воде перекладыны колеса и вряд ли хоть что-нибудь понял из моего пространного объяснения, что это и зачем. Но мне было необходимо отвлечь его внимание, пока Озрик, ненадолго покинув нас, торговался с мельником насчет мешка овса для наших лошадей.

К полудню сделалось жарко. Пора было устроить привал. Проезжая мимо просторной обветшавшей фермы, я заметил, что в углу двора блеснит вода, и, свернув с дороги, повел

свой маленький отряд в ограду, чтобы спросить разрешения напоить животных. Тут же из конуры, рыча и громко лая, выскочили два злобных сторожевых пса, крупных, беспородных и опасных с виду. Мы тут же сбились в кучку, даже не помышляя о том, чтобы сойти наземь. Лошади забеспокоились, принялись пятиться и вскидываться. Собаки же со вздыбленными холками и ощеренными зубами носились вокруг и норовили цапнуть какую-нибудь из лошадей за ногу. Пес покрупнее и позлее нацелился было всадить зубы в ногу одного из наших охранников. Тот яростно пнул собаку, выругался, и я уже испугался, что сейчас он достанет припрятанный меч. Немного подождав и удостоверившись в том, что из дома так никто и не выходит, я повернул лошадь и приготовился уводить своих спутников обратно за забор.

Но тут Вало, не проронивший за все утро ни слова, неожиданно нарушил молчание. Я не разобрал толком его слов, но это было нечто вроде команды. Одновременно он перебросил ногу через седло, бросил поводья, соскользнул наземь и напрямик зашагал к разъяренным псам. Я был уверен, что они сейчас набросятся на парня, но он снова что-то выкрикнул, и они попятились. Он же шел дальше, выставив вперед руки, повернутые ладонями вниз, и продолжал говорить, уже почти нормальным тоном. Так он говорил, а яростный лай и рычание понемногу стихали. Вало подошел вплотную к собакам, и шерсть на их загривках улеглась. Когда же, уже возвышаясь над ними, сын Вульфарда жестом указал псам на конуру, из которой они только что вырвались, те молча, с опущенными головами и поджатыми хвостами, потрусили туда.

Даже не оглянувшись на них, Вало вернулся к своей лошади и подобрал брошенные поводья.

— А он не так прост, как кажется, — нехотя проворчал воин, чудом не получивший отметины от собачьих зубов. Собаки же устроились на противоположной стороне двора и, насторожив уши, следили за каждым движением Вало, как будто не замечая всех остальных.

Появившийся вскоре после этого работник позволил нам напоить лошадей, а я, надвинув повязку на глаз, сторговал у него пару хлебов и большой кусок сыра. Развьючив и расседлав лошадей, мы расположились в тени под амбаром и принялись за трапезу.

— Что ты собираешься делать после того, как мы попадем в Дорестада? — спросил Озрик. Хлеб оказался черствым, и он мочил корку в кружке с водой, чтобы можно было ее разжевать.

Я сплюнул соломенную ость. Смесь ржаной и ячменной муки, из которой был испечен хлеб, была просеяна из рук вон плохо.

— В Дорестаде нужно отыскать корабельщика по имени Редвальд. Он ежегодно посещает Каупанг.

— А как же наш эскорт? — Озрик стрельнул взглядом туда, где воины бросали крошки голубям, с готовностью слетевшимся, чтобы вкусить от их щедрот.

— Они помогут погрузить вино и вернуться с лошадьми в Ахен.

— И бросят нас на милость Редвальда?

— Главный сокольничий сказал, что этому Редвальду можно доверять, — ответил я. Мой друг имел право на подозрительность. Во время нашего с ним первого морского плавания капитан, взявшийся отвезти нас в изгнание, попытался ограбить нас и продать в рабство.

— Ну, а если Редвальд узнает, сколько мы везем с собой денег? — продолжал он сомневаться. — Недооценивать могущество золота и серебра очень опасно, люди сплошь и рядом меняют на них свою верность...

Тут я услышал странный звук и, не договорив, скинул голову. Сначала я подумал, что это воркует одна из горлиц, копошившихся у наших ног, но потом понял, что кто-то заиграл на каком-то музыкальном инструменте. Это был Вало. Отойдя немного в сторонку, он уселся на солнцепеке, закрыл глаза и достал простенькую дудочку из оленьего рога. Держа ее в губах, он негромко наигрывал мелодию из нескольких нот, повторяя ее раз за разом.

* * *

Проведя в пути безо всяких приключений пять дней, мы попали в Дорестада. Стояло утро, чистое безветренное июньское утро, когда в голубом, как васильки, небе неподвижно висит лишь горстка маленьких пухлых облачков. Порт представлял собой неприглядное скопище складов, навесов и таверн, растянувшееся по берегу Рейна на милую с лишним. На темной воде, уходя от берега в воду, словно зубья громадного гребешка, лежали десятки причальных плотов и помостов. Их удерживали на месте деревянные сваи, вбитые в мягкий вонючий ил на отмелях. К ним были причалены самые разные суда, от плотов и речных лодочек до массивных морских коггов. Не желая привлекать внимания, мы не стали спрашивать людей о том, где можно отыскать Редвальда, и молча ехали по берегу среди куч различного мусора, больших и маленьких ручных тележек и сломанных бочек, высматривая судно, которое, судя по размеру, было бы способно совершить плавание до Каупанга. Когда мы доехали почти до конца береговой полосы, отведенной для порта, долговязый краснолицый мужчина с большим приплюснутым носом и нечесаными редкими волосами вдруг шагнул из-за груды досок и взял мою лошадь за повод.

– Еще два прилива, и вы опоздали бы, – сказал он.

Я изумленно посмотрел на него сверху вниз. Сначала я решил, что это портовый грузчик. Одет он был в грязную холщовую рубаху и тяжелые деревянные башмаки.

– Куда опоздали бы? – спросил я удивленно.

– На судно до Скринджес Хеала.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – строго, но без лишней грубости ответил я. И, поскольку незнакомец не выпускал повод, мне пришлось добавить: – Не знаешь ли ты, где мне найти моряка по имени Редвальд?

– Прямо перед собой, – ответил тот. – А ты, наверно, Зигвильф. Я слышал, куда тебе нужно попасть. Скринджес Хеал как раз и есть то самое место, которое северяне называют Каупангом.

За спиной у меня недовольно кашлянул Озрик. Было ясно, что попытка сохранить нашу поездку в тайне не удалась.

Корабельщик с настороженным и явно недовольным выражением лица обвел взглядом моих спутников:

– А вот о том, что с тобой будет столько народу, мне не говорили.

– В плавание отправятся только трое, – заверил я его.

Редвальд поднял руку и поправил длинный вихор соломенных волос, который, впрочем, почти не скрывал круглой лысины у него на темени:

– Ни к чему говорить о делах на людях. Пусть твои спутники подождут здесь, а мы обсудим, что к чему.

– Озрик – мой деловой компаньон. Он тоже должен выслушать твои предложения, – холодно ответил я.

Наш новый знакомый обернулся и окинул Озрика беглым взглядом.

– Хорошо. Пойдемте со мной. – Выпустив повод, он гулко затопал деревяшками по ближайшему причалу.

Мы с Озриком передали поводья Вало и последовали за моряком. У дальнего конца причала был пришвартован солидный с виду торговый корабль. Длинный, широкий, с одной толстой мачтой, он внушал доверие. А вот в его грубияне кормщике я уверен не был...

Редвальд перескочил на палубу и подождал, пока Озрик, тяжело припадая на больную ногу, доберется до судна и перевалится через борт. Я последовал за ним туда, где растянутый над палубой кусок парусины давал немного тени. Корабельщик рывкнул какой-то приказ, и

один из моряков поспешно спустился по лесенке под палубу. Оттуда он вынырнул с тремя табуретками и едва успел поставить их, как капитан отправил его в ближайшую таверну за кувшином эля и тремя кружками.

Увидев, что он отошел и не сможет услышать разговор, Редвальд жестом предложил нам сесть и перейти к делу. И заговорил он далеко не дружеским тоном.

– С чего это сокольничий решил отправить туда тебя? – напрямик спросил он у меня. – Ходили слухи, что ты будешь покупать в Скринджес Хеале соколов. До сих пор я сам успешно справлялся с этим.

Я решил не докапываться до источника этих слухов, но окончательно уверился в том, что попытка сохранить наше задание в тайне полностью провалилась.

– Тут задание особое, – сказал я. – Его Величеству нужны белые птицы.

Редвальд громко фыркнул:

– Ну, белую птицу я, пожалуй, и сам замечу, если увижу!

Несомненно, корабельщик был так недоволен, потому что не один год наживался на закупках по заданию сокольничего, завышая цены на птиц, которых приобретал в Каупанге.

– Я хорошо вознагражу тебя, если мы благополучно вернемся из Каупанга и доставим в добром здравии все наши покупки, – пообещал я ему.

Моряк настороженно прищурился:

– Какие еще покупки? У меня пока что ни один кречет не сдох.

– Король приказал привезти оттуда еще и пару белых медведей.

Редвальд запрокинул голову и громко захохотал, демонстрируя несколько дыр между пожелтевшими зубами:

– Найти их будет непросто! А если и найдем, они загадят мне всю палубу. За это тебе придется заплатить отдельно.

Тут вернулся моряк с элем, который он сразу разлил по кружкам. Со мной Редвальд говорил по-франкски, но теперь, перейдя на местный диалект, сообщил своему работнику, что его гости – болваны, от которых нечего ждать, кроме лишнего беспокойства. Язык этот почти не отличался от англосаксонского, на котором я говорил в детстве, так что я понял каждое слово.

Напомнив себе о необходимости сохранять спокойствие, я произнес на языке своих предков:

– Если белых медведей посадить в прочные клетки, они не доставят никакого беспокойства.

Корабельщик резко повернулся ко мне:

– Ты что же, говоришь по-фризски?

– Не по-фризски, а на своем родном саксонском языке, – ответил я.

– Я и сам мог бы догадаться, – буркнул моряк.

Я задумался было о том, что он хотел сказать этим замечанием, но он уже переменял тему.

– Что у тебя в корзинах, которыми навьючены лошади? – спросил он грубым тоном.

– Доброе рейнское вино. Я хочу немного поторговать в Каупанге и для самого себя. – Я надеялся, что мои слова прозвучали с известным лукавством, а собеседник смог понять из них, что я тоже не прочь поживиться тайком от повелителя.

Он же еще сильнее нахмурился:

– Вино свое оставь здесь, в порту. У меня самого половина груза – вино. Конкуренты мне совсем не нужны.

Я увидел шанс поправить дело:

– Могу предложить кое-что получше. Мое вино присоединим к твоему, и ты продашь все вместе, а за мою часть получишь долю.

Корабельщик задумался, побалтывая содержимым деревянной кружки.

– Значит, так, – сказал он в конце концов. – Я отвезу тебя и твоих спутников в Скринджес Хеал и доставлю обратно, но за зверье не отвечаю. Это уже твои заботы. И возьму я за это треть от продажи твоих товаров. – Тут он неожиданно потянулся ко мне кружкой: – Идет?

Я прикоснулся к его кружке своей:

– Идет.

Нашу сделку мы скрепили глотком эля, густо пахнувшего можжевельником. Я смотрел на Редвальда поверх края кружки и думал о том, что он даже не поинтересовался, как я собираюсь платить за кречетов и медведей. Должен же он понимать, что покупки обойдутся очень дорого!

* * *

Через несколько часов я стоял рядом с корабельщиком на палубе когга и пытался понять причину овладевшего мной смутного страха. Редвальд приказал своей команде отчаливать, как только на корабль погрузили наше вино и я отпустил охранников. Дорестада лежал уже в нескольких милях за кормой, а в небе гас кровавый отсвет вечерней зари. Я с трудом отличал черную поверхность Рейна от тянувшихся поодаль берегов. Когг несло течением, его обширный парус почти не забирал ветра. Ночь была безлунной, и вскоре я уже не видел ни огонька, кроме звезд в небе. Мне казалось, что судно мчится во тьме без всякого управления.

– Как ты угадываешь, куда поворачивать руль? – спросил я, стараясь не выдать своей тревоги. Озрик и Вало сидели под палубой и караулили наши седельные сумки с серебром. Мы заранее договорились, что кому-то из нас нужно будет постоянно бодрствовать.

– А уши мне на что? – пробурчал Редвальд.

Я слышал только, как поскрипывал деревянный корпус судна да негромко хлюпала вода под бортами. Где-то вдали пронзительно и хрипло прокричала цапля, а через несколько мгновений она пронеслась над нами, как еле различимая, мерно взмахивавшая крыльями тень.

Редвальд, конечно, шутит, подумал я и продолжил расспросы:

– А если еще и туман ночью опустится?

Корабельщик негромко рыгнул, обдав меня затхлыми парами эля:

– Не бойся, Зигвульф. Я всю жизнь плаваю по этой реке. Назубок знаю ее нрав, все изгибы, мели и омуты. Мы благополучно выйдем в море.

Он отдал негромкий приказ кормчему, и я почувствовал, как палуба под моими ногами чуть заметно дрогнула, повинувшись движению румпеля. Увидеть же воочию, насколько когг изменил курс, было невозможно: слишком темно.

И с кормчим, и со мной Редвальд говорил по-фризски. После того как началось плавание, он держался не так настороженно и не грубил. Я счел, что наступил подходящий момент для того, чтобы разговорить его.

– И сколько же раз ты плавал в Каупанг? – поинтересовался я.

Капитан на мгновение задумался:

– Раз пятнадцать или шестнадцать.

– И всегда спокойно?

– Раз-другой пираты нападали, но удавалось или отбиться, или удрать от них.

– А если непогода?

– С хорошим балластом непогода моему кораблю не страшна. – Моряк произнес это очень уверенно, однако тут же сплюнул в сторону – любой крестьянин из самой дальней

глуши знает, что именно так следует просить о хорошей погоде, – что несколько снизило убедительность его слов.

– Балласт? – пробормотал я, не имея понятия о том, что значит это слово.

Редвальд стоял совсем рядом со мной, и я увидел, с какой нежностью он положил руку на деревянное перильце борта.

– Это тяжесть, которую укладывают на самое дно корабля, чтобы его не перевернуло волной, – объяснил он. – Под всем этим вином лежат еще жернова для ручных мельниц весом этак на пару тонн.

Он снова рыгнул и продолжил:

– Одному богу известно, почему нортландцы не умеют делать хороших жерновов. Их жены предпочитают камни, которые мы возим из Айфеля. Так уж мир устроен: для женщин, которые трудятся, не разгибая спины, – камни, чтобы они могли молотить муку, пока их мужчины будут хлебать вино.

Я всматривался в лежавшую впереди тьму. Время от времени на воде возникали белые пятна и, метнувшись в сторону перед самым носом, исчезали во мраке – это были спавшие на воде чайки. Я сразу вспомнил, в какой восторг пришел Вало, увидев чаек, пролетевших над рекой с моря. Он ведь жил в лесу и никогда прежде не видел таких птиц. Парень спросил меня, не этих ли птиц мы должны привезти королю, и Редвальд, услышав это, расхохотался.

Мои мысли перебил голос хозяина корабля:

– У сарацина, твоего компаньона, наверняка должны быть знакомые в Каупанге.

Корабельщик оказался наблюдательным и сообразительным: он сразу распознал в Озрике сарацина. Впрочем, кто-нибудь мог и сообщить ему об этом.

– Насколько мне известно, Озрик никого не знает в Каупанге. Он там никогда не был, – резко ответил я, сразу задумавшись о том, для чего Редвальд выуживает из меня эти сведения.

– Значит, будет у него шанс повидаться с соплеменниками. Сарацинские купцы забираются чуть ли не так же далеко, как и мы, фризы. И в Каупанге каждый год бывает по несколько человек. Покупают в основном рабов и меха и расплачиваются серебряной монетой. – Тут капитан сделал выразительную паузу, которая снова насторожила меня. – Так что будет полезно иметь с собой кого-нибудь, кто сможет распознать подделку.

– Уверен, что Озрик сможет при необходимости помочь тебе, – осторожно сказал я.

– Нортландцы не любят монет, – заметил моряк и снова сделал небольшую паузу. – Они считают, что толковый чеканщик может подмешать в металл всякой ерунды так, что никто этого и не заметит. Эти люди предпочитают доверять кускам разломанных серебряных украшений.

– А как насчет золота?

– Этого там почти не водится. Разве что изредка попадется византийский солид. Золото должно быть с драгоценными камнями – его рубят топором.

– Ты, похоже, разбираешься в золоте и серебре не хуже, чем водишь корабль в непроглядном мраке, – проговорил я, желая немного польстить ему. Но ответ капитана изумил меня:

– Так ведь, когда занимаешься меняльным промыслом, всегда получаешь большой доход.

Пришла моя очередь сменить тему:

– Еще в Дорестаде ты сказал, что мог бы и сам догадаться, что я могу знать саксонский.

Редвальд хохотнул:

– Имя Зигвульф редко встретишь у франков. А у нортландцев и саксов – куда как чаще. И что же привело тебя ко двору короля Карла?

Он задал этот вопрос как бы между делом, но мне снова показалось, что за этим кроется нечто большее, чем простое любопытство.

— Это случилось не по моей воле. Меня отправил туда Оффа Мерсийский, чтобы я не путался у него под ногами, — рассказал я. На такой прямой и честный ответ мой собеседник наверняка должен был отреагировать. Так и вышло.

Редвальд глубоко, с громким звуком, втянул в себя воздух:

— Оффа — злопамятный и вредный поганец. Я частенько торгую в его портах и очень не хотел бы, чтобы все узнали, что у меня был пассажир из тех, кого он не любит. Это может сильно повредить моим делам.

— Тогда позаботься о том, чтобы в Каупанге я не привлек внимания никого из тех, кто мог бы сообщить Оффе, что я прибыл туда с тобой, — поспешно ответил я. Не такая уж надежная защита на будущее, но все же лучше, чем ничего!

— Так я и сделаю, — напрямик ответил Редвальд.

Говорить, в общем-то, больше было не о чем, так что я повернулся и поковылял по палубе, очень осторожно передвигая ноги, чтобы не попасть в какую-нибудь петлю или еще что-нибудь из бесчисленного множества почти невидимых во тьме препятствий. Когда я добрался до лестницы, ведущей в трюм, где Озрик и Вало приготовили среди кип и коробок товара место, чтобы спать, за спиной у меня прозвучал в темноте голос Редвальда:

— Желаю хорошо выспаться, Зигвульф, даже на такой жесткой подушке!

Я застыл, не успев поставить ногу на ступеньку. Моей подушкой было не что иное, как седельная сумка, набитая королевским серебром.

* * *

Назавтра, хорошо за полдень, мы вышли из устья Рейна. Впрочем, я не смог бы сказать, когда именно мы покинули реку и оказались в море. Вода была такая же мутная, зеленовато-бурая, да и на низком плоском Фрисландском берегу не было видно никаких примет, которые говорили бы о том, что мы расстались с сушей. Как только небольшое волнение начало плавно поднимать и опускать корабль, бедняга Вало побледнел и принялся негромко стонать. Он так вцепился в ограждение палубы, что даже костяшки его пальцев побелели. Редвальд мрачно посоветовал ему поглубже дышать морским воздухом и смотреть на горизонт — так, дескать, легче будет. Но Вало лишь еще крепче зажмурился и поскуливал от неприятных ощущений. Вскоре он уже сидел на палубе, прижавшись головой к коленям, и беспомощно икал. Озрик внизу караулил сумки с деньгами, а я торчал на палубе и наблюдал за шестерыми моряками на тот случай, если они задумают что-нибудь дурное. Те переговаривались между собой по-фризски и не касались иных тем, кроме погоды. Насколько я понял, они рассчитывали быстро и легко добраться до Каупанга, потому что ветер в это время года обычно дул с юго-запада и благоприятствовал нашему путешествию. Успокоенный, я, пригнувшись, пролез под большим четырехугольным парусом, от которого сильно пахло рыбой и дегтем, и направился на нос, где рассчитывал побыть в одиночестве.

Небо тонкой вуалью покрывали легкие облачка. Ощущение, которое я испытывал, глядя на пустынное море и на кроющийся в дымке еле различимый горизонт, играло с моим сознанием какие-то странные штуки. Мне казалось, будто я плыву неведомо куда в огромном, бескрайнем просторе, где нет ничего, кроме неторопливых волн, равномерного покачивания корабля подо мной и беспредельного, без дорог и следов, пространства, по которому я то ли двигаюсь, то ли нет. Я чувствовал себя отделенным и отрешенным от всего на свете, свободным от рутины моего повседневного бытия и всего того, что лежало впереди на пути моего нового предприятия. Следующей зимой мне должно было исполниться двадцать девять лет. Я уже давно не был тем наивным, неопытным юношей, который прибыл пешком

ко двору Карла. Я стал зрелым мужем, и все пережитое за эти годы позволило мне набраться житейской мудрости, так что было бы вполне естественно уже пустить корни и осесть на одном месте. Однако я, несмотря на благосклонность и щедрость Карла, продолжал ощущать себя чужаком среди франков. Я оставался неустроенным и беспокойным, и где-то в глубине моего бытия постоянно маячили странные видения во сне и наяву. Они посещали меня без предупреждения, и, хотя я уже усвоил, что видеть в них пророчества следует далеко не всегда, они все равно сильно меня тревожили.

Я оглянулся назад, туда, где у кормила твердо стоял на палубе Редвальд. Он то и дело поглядывал то на парус, то куда-то вдаль, поверх волн, и его взгляд всегда был пристальным и расчетливым. Этот человек знал свой корабль до последнего каната – знал, как он ведет себя на морских путях, как отвечает на малейшую перемену ветра, как лучше укладывать груз в его чреве... Это знание, вкупе с огромным опытом мореходства, позволяло ему твердо держать когг на курсе. Его примеру, думал я, нужно следовать и мне. Теперь я знал себя несравненно лучше, чем прежде, и пришло время для большей уверенности в себе. Нужно проявлять больше целеустремленности и жить более открыто.

Я поднял руки и развязал ремешок, к которому был приделан кружок, закрывавший мой глаз. А потом, коротко взмахнув рукой, отправил повязку за борт.

* * *

Я простоял на носу, погруженный в раздумья, до тех пор, пока ощутимая вечерняя сырая прохлада не заставила меня поискать более тихое место поближе к корме. Подойдя к Редвальду, я увидел, что он прикрыл лысеющую голову бесформенной войлочной шапкой, почти такой же грязной, как его вечная длинная рубаха. Корабельщик сразу же заметил отсутствие повязки на моем лице.

– Моим морякам придется придумать для тебя новое прозвище, – сказал он с несколько удивленной улыбкой.

– Почему это? – заинтересовался я. Можно было ожидать, что капитан будет недоволен, увидев, что у меня глаза разного цвета, ведь моряки обычно бывают очень суеверными.

– Они прозвали тебя Одином, – объяснил мой собеседник.

Мой отец был приверженцем старой веры, так что я сразу понял, о чем он говорил. Бог Один пожертвовал одним глазом, чтобы испытать из колодца мудрости, и с тех пор всегда прикрывал пустую глазницу повязкой.

– А как они называют Озрика и Вало? – спросил я с любопытством.

– Вейландом и троллем, – ответил корабельщик.

Это была уже довольно жестокая насмешка – Вейланд, один из старых богов, был калек-кузнецом.

– Не знал, что фризы доселе держатся этой полузабытой веры, – кислым тоном заметил я. Меня-то не привлекало ни язычество моего отца, ни ярое следование христианству таких людей, как Алкуин. С меня более чем хватало необходимости извлекать смысл из моих странных снов и видений.

– Это всего лишь моряцкие шуточки. А вот в Каупанге тебе стоит быть поосторожнее и не насмехаться над старыми богами, – посоветовал моряк.

Я почувствовал, что это не простое предупреждение, и уточнил:

– Ты, похоже, тревожишься о том, что будет, когда мы попадем туда?

Прежде чем ответить, Редвальд приподнял шапку и почесал лысину:

– Каупанг находится на самой границе цивилизованного мира. Законов там нет, да никто в них и не нуждается. И люди там сильно не любят постороннего вмешательства, особенно когда дело касается веры.

– Так они, значит, подозревают во всех посланцах от Карла либо шпионов, либо миссионеров?

– Ну, скажем так, Карл там не пользуется особой любовью.

– В таком случае как же тебе удастся покупать для короля соколов?

– Я действую через посредника. И на то, чтобы добиться его доверия, ушел не один год.

Я заметил очередную ловушку, которую расставил мне Редвальд. Он очень опасался, что останется без обычной доли, которую всегда получал, покупая кречетов для главного королевского сокольничего. Я решил, что проще всего будет поддержать его в этом деле.

– Значит, без твоей помощи мне не обойтись. Тебе придется самому купить тех птиц, которых я выберу. Ты договаривайся, торгуйся, а я дам деньги, – предложил я ему.

Редвальд одобрительно хмыкнул и, запрокинув голову, уставился в небо. Там, на большой высоте, начали образовываться вытянутые перистые облака – ушедшее к тому времени за горизонт солнце своими последними лучами красило их исподья в розовый цвет.

– Завтра после полудня должен ветерок разгуляться, – заметил моряк.

– Значит, придется искать какое-нибудь укрытие? – насторожился я.

Корабельщик покачал головой:

– Вдали от подветренного берега будет безопаснее. Кроме того, ветер будет попутным и отлично унесет нас от пиратов, которые как раз сидят на берегу и высматривают добычу.

Я посмотрел назад, в ту сторону, откуда мы двигались. Там не было ничего, кроме темной водной глади, на которой тут и там мелькали пенные барашки. Неожиданно когг показался мне крошечным, оторванным от всего на свете и совершенно беспомощным.

– Редвальд, – спросил я, – каким богам ты молишься, если налетает буря?

Капитан усмехнулся:

– Всем, каких знаю. Но за молитвой не забываю делать все возможное для того, чтобы спасти свой корабль.

Глава 4

Ветер, действительно довольно сильный, непрерывно дул следующие три дня, и все это время Редвальд решительно держался выбранного курса, хотя земли мы не видели ни разу. Я, конечно, спросил его, как ему это удастся, и он ответил, что руководствуется направлением волн, а также положением на небе солнца и звезд, когда они не прячутся за облаками. Но все же для меня осталось загадкой, как именно ему удастся так точно определять пройденное расстояние. Однажды утром он ткнул рукой вперед и небрежным тоном сообщил, что завтра на рассвете мы будем в Каупанге. Я уставился во все глаза, но ничего не увидел там, куда он показывал. И лишь часа через два я разглядел темную полосу, что едва-едва отличалась от той неясной линии, на которой серое низкое небо встречалось с мрачным морем. Это и было место нашего назначения. Судя по равнодушному поведению команды, в том, что казалось мне чудом навигации, не было ничего особенного. Моряки просто немного изменили положение паруса и вернулись к своим повседневным занятиям – починке снастей и вычерпыванию из недр корабля просачивавшейся воды, которую они таскали ведрами и выливали за борт.

Когг, покачиваясь на волнах, медленно приближался к берегу. Местность показалась мне дикой и безлюдной. Темные холмы, покрытые густым мрачным лесом, уходили вдаль, переходя в горный хребет, лысые вершины которого издали казались лиловато-серыми. Когда мы подошли еще ближе, стали различимы валуны, в изобилии валявшиеся на каменистом берегу. И по-прежнему нигде не было никаких признаков человеческой жизни. Ветер стих, превратившись в легкий бриз, а ближе к вечеру совсем прекратился. Когг замер на воде, и его большой парус обвис. Мы находились на расстоянии хорошего выстрела из лука, и сперва я решил было, что корабль совсем остановился, но затем, присмотревшись, понял, что когг несет какое-то течение. Его влекло боком к клочку суши, возле которого высоко вздымались волны, разбивавшиеся о невидимый риф, – после каждого своего набега и отступления они оставляли широко расползавшиеся по воде хлопья пены. Решив, что корабль беспомощно дрейфует прямо на скалы, я в тревоге повернулся к Редвальду.

– Далеко еще до Каупанга? – спросил я, стараясь не выдать голосом своего страха.

– Сразу за этим мысом, – спокойно ответил капитан.

Его, похоже, наше положение нисколько не беспокоило, и я с удивлением подумал, что он не видит надвигавшегося с моря серого марева, которое в тот момент, словно чтобы усугубить мое волнение, начало сгущаться в туман.

Так продолжалось где-то с час. Мне было совершенно нечего делать, кроме как смотреть на медленно тянувшийся мимо берег. Позади туман все густел, вскоре он поглотил спустившееся к горизонту солнце и стал постепенно догонять нас. Вскоре наших лиц коснулись его первые прохладные влажные пряди. Туман очень быстро обволок все вокруг, так что нельзя было ничего разглядеть дальше чем на ярд-другой. Мы словно погрузились в чан со снятым молоком. Со своего места близ руля я мог разглядеть лишь мачту. Нос уже был совершенно невидим. Облизав губы, я обнаружил, что на них крупными каплями осела роса. Туман продолжал сгущаться, и я поежился.

– Тебе приходилось когда-нибудь видеть подобное? – вполголоса спросил я стоявшего рядом со мною Озрика. Вало сидел в трюме – была его очередь стеречь наши сумки.

– Никогда, – ответил мой друг. Когда-то, давным-давно, он потерпел кораблекрушение во время плавания из Испании в Британию за оловом. Тогда-то его и подобрала, покалеченного, на берегу и продали в рабство.

– Почему же капитан не становится на якорь? – гадал я вслух.

Но я не учел того, что в тумане очень хорошо разносятся звуки.

– Потому что здесь слишком глубоко, – прозвучал голос невидимого мне Редвальда.

Я смотрел, как на бурой парусине собирались капли воды, как они медленно ползли вниз, собирались в струйки и сбегали на палубу. Где-то вдали раздался чуть слышный звук, басовитый глухой рокот, повторявшийся через один-два вдоха. Даже я понял, что это шумят волны, разбивающиеся о невидимые скалы.

Когг плыл дальше.

Примерно через полчаса Редвальд вдруг крикнул:

– На весла!

Я разглядел в тумане непонятные движения. Плохо различимые фигуры замечались по палубе: они чем-то гремели и что-то волокли. Команда готовилась пустить в действие длинные весла, которые на всем протяжении пути висели, крепко привязанные к борту.

Со стуком и скрежетом весла были закреплены на местах, и их лопасти всплеснули воду.

– Если не хотите быть совсем уж обузой, беритесь за весла! – грубым, как в начале плавания, голосом проревел Редвальд.

Я побрел вперед и увидел одного из моряков, который стоял, готовый грести, – он держался за весло. Этот матрос подвинулся в сторону, освобождая мне место, и я вцепился в промокшую от морской воды рукоять.

– Навались! – приказал капитан, и уже через несколько движений я поймал ритм – весло медленно, плавно погружается в воду, затем его надо потянуть на себя, опустить рукоять вниз, потом вперед и так же, без остановки, еще раз. Озрик отыскал себе место у другого весла, а вскоре мимо меня протиснулась еще одна фигура. По неуверенной походке я узнал Вало. Он, видимо, почувствовал, как что-то изменилось, и выбрался из трюма. Я решил, что сейчас не то время, чтобы тревожиться из-за того, что наши деньги остались без охраны. Для всех находящихся на корабле куда важнее было приложить все силы, чтобы отвести его от скал.

Я принялся считать гребки и дошел почти до пятисот, когда Редвальд вдруг приказал бросить грести. Обрадовавшись, я выпрямился, ощущая боль во всех мышцах. Повернувшись к своему соседу, я хотел было заговорить, но он поднес палец к губам, показывая мне, что нужно молчать. Сам же матрос наклонил голову, и я понял, что он старательно прислушивается. Я тоже попытался последовать его примеру и уловил плеск небольших волн, доносившихся прямо спереди. Мы отошли от рифа, но очень недалеко.

– Навались! – снова прозвучала команда Редвальда.

Мы вернулись к прерванному занятию, и на сей раз я, перед тем как корабельщик вновь остановил нас, успел насчитать четыреста гребков. Мы снова прислушались. Теперь плеск доносился с нескольких направлений, но был немного тише.

– Навались! – опять прозвучала команда капитана.

Так мы гребли, пожалуй, часа три, останавливаясь и прислушиваясь через примерно равные промежутки времени. Стемнело, и в тумане теперь нельзя было разглядеть ни лопасти весла, ни даже воды за бортом. Мы всецело полагались на приказы Редвальда. В одну из пауз я услышал, как он велел кому-то из своих моряков встать к рулю. А потом по палубе прогрохотали деревянные башмаки корабельщика.

– Навались! – На сей раз голос Редвальда прозвучал с носа. Затем, примерно через каждые двадцать гребков, я слышал совсем близко равномерные всплески.

– Что делает капитан? – шепотом спросил я у своего сотоварища по веслу.

– Лот бросает, – прошипел он с таким сердитым видом, будто такой вопрос мог задать только совершенно безмозглый человек.

Я не понял, что и зачем бросал корабельщик, но не стал задавать новых вопросов и молча стоял, опершись на рукоять весла, пока вновь не прозвучал голос Редвальда. Он приказал всем прекратить грести, а кому-то из матросов – идти на нос и опустить якорь.

Я с великой радостью вытащил тяжелое весло и положил его на палубу. С носа донесся громкий всплеск – это, несомненно, ушел в воду якорь, – а потом зашуршал разматывающийся канат. Затопали ногами и загомонили крепившие его моряки.

На расстоянии вытянутой руки от меня вырисовалась в тумане нескладная фигура Редвальда.

– Ночевать будем здесь, – заявил он. – Тебе и твоим друзьям можно спуститься вниз и спать.

– Но когда же мы попадем в Каупанг? – спросил я.

– Уже прибыли, – равнодушно ответил корабельщик.

– Неужто? – удивленно буркнул я, тщетно попытавшись скрыть недоверие.

Редвальд гортанно хохотнул:

– Помнишь, что я говорил тебе, когда мы покидали Дорестад?

У меня в памяти тут же возникла картина нашего отправления, когда мы в быстро густевших сумерках плыли вниз по течению Рейна.

– Ты говорил что-то про уши, – вспомнил я.

– Совершенно верно, – кивнул корабельщик и, протиснувшись мимо меня, отправился куда-то по своим делам.

Я задержал дыхание и старательно прислушался. Корабль тихо стоял на якоре. Не было слышно ни поскрипывания мачты и снастей, ни даже журчания воды за бортами.

И тут в полной тишине из непроглядной тьмы донесся собачий лай.

* * *

Я проснулся, совершенно не отдохнув, с намертво одеревеневшей шеей и ноющими плечами. Поначалу я подумал, что в этом виновата моя жесткая подушка – седельная сумка, набитая серебром, – но, потянувшись и почувствовав боль во всем теле, я вспомнил часы, на протяжении которых ворочал весло. Издали доносились какие-то приглушенные звуки, а в открытый люк светило яркое солнце. Я неуверенно поднялся на ноги и побрел к подножью лестницы, ведущей на палубу. Хватаясь стертymi в кровь ладонями за перекладины и морщась от боли, я вылез наверх. Было тихое солнечное утро. Не слышно было ни дуновения ветерка. А туман исчез, будто его и не было.

Повернувшись в сторону носа, я захлопал глазами от изумления.

От того места, где мы стояли на якоре, можно было добросить камнем до берега. В непроглядном тумане Редвальд ухитрился точно ввести когт в укрытый от ветра широкий залив. Неудивительно, что команда столь безоговорочно верила в своего капитана!

На пологом галечном берегу спокойно обсыхало с две дюжины разнообразных судов – от двухместного ялика до солидного купеческого корабля. Судя по тому, что там не наблюдалось никаких признаков жизни, их команды, несомненно, пребывали где-то на суше. Три корабля еще более крупных размеров стояли возле сложенного из грубых валунов причала: тут-то работа кипела! Люди вытаскивали грузы из трюмов, сносили на берег мешки и тюки, скатывали по сходям бочки... Возле входа на причал стоял невысокий косматый пони, запряженный в деревянные сани-волокушу, на которых уже громоздилась гора ящиков. Теперь хозяин лошаденки завязывал веревки, державшие кладь на месте. Пока я наблюдал за происходящим, откуда-то взялась собачонка – осторожно обежав вокруг пони, она остановилась с явным намерением задрать ногу. Но тут, вероятно, кто-то бросил в нее камень

– псина взвизгнула и, поджав хвост, убежала прочь. Я подумал, не та ли самая это собака, что лаяла ночью.

– Каупанг, наверно, рядом, за пригорком, – сказал Озрик. Мой друг поднялся на палубу раньше меня и, опершись о борт, разглядывал берег. Он указал на две неровные колеи, тянувшиеся мимо пары потемневших от непогоды хибарок на гряде невысоких холмов. – А вот этого, похоже, и ожидал наш капитан.

К нашему кораблю приближалась маленькая лодочка без палубы. На веслах сидели два человека, а еще один стоял у руля. Сложив руки рупором, он крикнул:

– Редвальд! В полдень кнорр уйдет в Дунвич. Как только он отчалит, можешь занять его место.

– У меня тут пассажиры. Забери их на берег! – крикнул в ответ наш капитан.

Такая забота Редвальда неслабо удивила меня.

– Пока что нет никакой спешки. Мы с Озриком могли бы и подождать, – сказал я ему.

– Я хочу, чтобы вы как можно скорее ушли с корабля, – проворчал он. – Видите ту здоровую посудину? Это кнорр. Его капитан перед отходом обязательно захочет зайти ко мне и поболтать. – Увидев, что я не собираюсь отступить от борта, Редвальд пристально взглянул на меня бледно-голубыми глазами, скорчил многозначительную мину и добавил: – Дунвич – порт на английском берегу. Во владениях короля Оффы. А слухи расходятся очень быстро.

Лодка с чуть слышным стуком уперлась в борт корабля.

– Но Вало останется здесь, – сказал я.

Редвальд поморщился:

– Ладно. Только пусть не высовывается на палубу.

Я совсем было собрался перелезть в ожидавший ялик, когда корабельщик вдруг взял меня за плечо. Вынув из-за пояса моряцкий кинжал в ножнах, он протянул его мне:

– Вот, возьми это. И не вздумайте шататься по Каупангу после заката. Возвращайтесь на корабль засветло. Кнорр к тому времени уйдет.

Я молча взял нож и перебрался в ялик. Озрик последовал за мною. Пока нас везли на берег, я смотрел на оставшийся позади когг и думал о том, как же понимать поведение Редвальда. Он отправил нас на берег, потому что боится возможных в будущем неприятностей со стороны короля Оффы. Но при этом, похоже, он искренне опасается, как бы со мной на берегу не случилось чего-нибудь плохого. Ему также известно, что мы везем с собой целое состояние в серебряной монете... Я с тревогой подумал о том, что Вало – не тот человек, которого можно было бы считать надежным сторожем.

Чуть выше того места, где мы причалили, какой-то человек грел смолу в котле, подвешенном над костром из плавника. В воздухе густо пахло дегтем, а около самой воды стайка чаек терзала оранжевыми и желтыми клювами бесформенный кусок какой-то падали.

– Редвальд опасается, как бы король Оффа не узнал, что я нахожусь в Каупанге, – сказал я Озрику, когда мы отошли по берегу настолько, что команда лодки наверняка не могла нас слышать.

– Значит, мы должны постараться не привлекать к себе внимания, – ответил сарацин. – Раз Каупанг – сезонный торг, значит, здесь должно быть множество чужаков, приезжающих на несколько дней. Думаю, мы сумеем здесь затеряться.

Мы отступили в сторону, пропуская идущего быстрой рысцей пони с груженой волокушей. Возница похлопывал лошадку вожжами по крупу и прикрикивал, подгоняя ее. Мы же не спеша пошли по наезженной дорожке, поднимавшейся по отлогому берегу, нырявшей в чахлую ольховую рощицу и взбиравшейся на невысокую гряду холмов. Поднявшись на нее, мы увидели перед собой неопрятное скопище приземистых одноэтажных лачуг, стены и крыши которых были сделаны из посеревших от непогоды досок. Среди них выделялось несколько строений побольше, похожих на перевернутые вверх дном лодки и крытых дер-

ном. Мы не сразу сообразили, что это и есть Каупанг, а расширявшаяся впереди и извивавшаяся между домами дорожка – его единственная, ничем не вымощенная улица.

– Значит, вот это и есть великое северное торжище! – с сомнением в голосе произнес Озрик.

Возведенные на скорую руку торговые лавчонки представляли собой поистине жалкое зрелище. Их стены были кое-как сложены из камней и накрыты сверху парусиной от дождя. Имелись и просто открытые со всех сторон навесы. Товары по большей части были свалены кучами на земле, так что возможным покупателям нужно было бы рыться в них, чтобы что-то найти. Несмотря на хаос и шум, народу здесь было более чем достаточно.

Мы шли вперед, огибая беспорядочные развалы товаров на земле или протискиваясь между расставленными тут и там шаткими прилавками с поистине жалким добром.

– Что-то я не вижу, чтобы тут было много покупателей на ручные жернова, которые привез Редвальд, – пробормотал я себе под нос. Женщины в толпе имелись, но их было немного. Все они ходили в свободных холщовых балахонах, достававших до щиколоток, а головы большинство из них заматывали платками. Об этом следовало пожалеть, потому что, как я успел заметить, волосы их были красивыми, блестящими, и носили их местные женщины распущенными. Но пока что покупателями в Каупанге были преимущественно мужчины, по большей части кряжистые, с большими бородами и несколько развязным высокомерием в повадках. Один из попавшихся навстречу людей взглянул мне в лицо и скорчил гримасу, – наверное, разглядел мои разноцветные глаза, – тут я порадовался, что у меня за поясом, на виду, торчал кинжал Редвальда. Из лачуги, приспособленной под таверну, шатаясь, вышел пьяница и упал лицом в землю прямо у нас под ногами. Как и все остальные, мы обошли его и направились дальше.

Там, где торговали съестными припасами, больше всего предлагали рыбы: рубленной на куски, вяленой, подвешенной, как стираное белье, на длинные веревки, испускающей резкий неприятный запах. А вот крестьянской продукции, какую я привык видеть на сельских ярмарках, почти не было. Ни овощей, ни фруктов, ни парного мяса – лишь кое у кого было понемногу яиц да какой-то мягкий белый сыр, который продавала из бадьи одна из немногих торговавших женщин.

– Это мне явно не по зубам, – сказал Озрик, кивнув в сторону горки корявых овсяных лепешек, выложенных на ручной тележке.

Мы переместились туда, где покупателям предлагались орудия крестьянского труда. Там купцы разложили топоры, косы, котлы, молотки, долота, длинные цепи и целые бочки массивных железных гвоздей. Можно было также купить и необработанные слитки мягкого железа, которые легко было раскалить и перековать во что угодно. Я не без горечи подумал о прозвище, которым Озрика наградили моряки – Вейланд, – и стал пристальнее всматриваться в толпившихся вокруг нас людей. Возле меня рассматривал топор могучий, словно бык, мужчина. Ворот его рубахи был развязан и открывал на всеобщее обозрение висевший на кожаном шнурке амулет в форме буквы «Т». Я узнал молот Тора.

– Не поискать ли нам продавцов ловчих птиц? – предложил я.

– Похоже, что это там. – Озрик указал на один из самых больших неогороженных навесов. К балке, возносившейся высоко над людскими головами, была прибита хорошо видная издали шкура какого-то неведомого зверя.

Мы протиснулись сквозь людскую толчею и оказались перед множеством якорей, рулонов парусины и рыбацких сетей, мотков рыбацкой лесы, бечевки, канатов, кучами – крючков. В воздухе стоял густой запах сосновой смолы. Купец, тощий человек с рябым от оспы лицом, пытался всучить покупателю моток веревки. Местный диалект не так уж сильно отличался от саксонского языка, так что я понимал почти все переговоры. Если верить торговцу, темная замасленная веревка была вырезана из шкуры большого зверя, которого про-

давец называл хроссхвалром, и превосходила по всем качествам обычную льняную. Покупатель, человек с толстой шеей и без половины уха, нерешительно мял веревку пальцами и говорил, что предпочитает тонкие полоски конской шкуры, из которых он сам сплел бы такую веревку, как ему нужно.

– Что одна конская шкура, что другая... Зато время сэкономишь – плести не понадобится, – доказывал ему купец.

Покупателя, впрочем, он так и не убедил: тот, недовольно хмыкнув, бросил наземь конец тяжелой веревки и побрел прочь. Я подождал, пока он отойдет подальше, чтобы не слышал меня, и сам обратился к торговцу:

– Прости, я слышал, что ты упомянул какого-то хроссхвалра. Это что, лошадь какая-то?

Продавец окинул меня взглядом. Сразу увидев, что я одет не по-моряцки, а значит, вряд ли гоюсь в его покупателя, он совсем было отвернулся, но, вероятно, заметил мои разноцветные глаза, и решительности у него поубавилось. Недовольное выражение его лица сменилось настороженностью.

– Тебе-то зачем это знать? – буркнул он.

– Чистое любопытство. Я чужой в этих местах. Подумал, что «хросс» похоже на «лошадь» на моем языке.

– Тут ты угадал, – кивнул торговец.

– Я слышал, что в этих краях попадается много белых зверей. Интересно, эти лошади бывают белыми?

– Я никогда не видел живых хроссхвалров, – сознался купец. – Только продаю веревки, нарезанные из их шкур. Они всегда одного и того же цвета – точно такого, как эта. – Он кивнул на лежавший на земле блеклый, темно-серый, почти черный моток.

Меня осенило:

– Значит, сам ты не делаешь веревки?

– Нет, я покупаю готовые. Хроссхвалры живут далеко на севере, где ночи тянутся много дней и людям нечего делать, кроме как сидеть у очага и резать шкуры на веревки.

– Наверное, стоит поговорить с кем-нибудь из жителей тех краев, – сказал я.

Мой собеседник замаялся, видимо, опасаясь выдать непонятному чужаку какие-то серьезные сведения.

Я немного усилил натиск:

– Если сможешь мне найти то, что мне нужно, можешь рассчитывать на соразмерную благодарность.

Купец склонил голову набок и испытующе посмотрел на меня:

– И что же такое ты ищешь?

Теперь уже я заколебался, вспомнив о своих сомнениях, но затем все же ответил:

– Я ищу лошадь необычной породы. Белую. Таких называют единорогами.

Мой собеседник молча уставился на меня ошарашенными глазами, а потом запрокинул голову и громко расхохотался:

– Единорог! Подумать только!

Я застыл, ощущая себя дураком и стараясь не показать этого.

А продавец веревок хохотал захлеб.

– В этих краях ты скорее отыщешь Слейпнира, чем единорога! А хроссхвалр – это лошадь-кит¹, – выдавил он, когда немного успокоился.

Я дал ему отдышаться и, сдерживая раздражение, снова спросил его, кто же снабжает его этими веревками из лошади-кита.

¹ На древненорвежском языке «хросс» означает «лошадь», а «хвалр» – «кит». Так называли моржа. (Здесь и далее прим. перев.)

– Его звать Охтер, – ответил купец, – и он владеет большой прибрежной фермой так далеко на севере, что дорога оттуда, если плыть каждый день и каждую ночь становиться на якорь, занимает целый месяц. Он бывает в Каупанге каждый год, а все остальное время, пожалуй, и вовсе не видит никого, кроме своей собственной родни.

– И где же я могу найти этого Охтера?

Торговец все еще тихонько хихикал.

– Дойдешь до конца улицы и выйдешь из города, – начал объяснять он. – Он всегда ставит там, по правую руку, большой шатер.

– Благодарю тебя, – сказал я, сделав шаг назад. – Ты мне очень помог.

– И скажи ему, что тебя прислал Олейф! – крикнул торговец мне вслед, когда я уже направился дальше по улице. Озрик, хромя, двинулся вслед за мною.

– Кто такой этот Слейпнир, которого здесь легче найти, чем единорога? – спросил он.

– Это значит, что такого животного, как единорог, вовсе не существует, – объяснил я ему. – Слейпнир – это конь, на котором ездит Один. В преданиях старой веры говорится, что у Слейпнира восемь ног.

Мы поравнялись с одним из больших, крытых дерном домов в форме перевернутой лодки. Возле открытой двери стояли, погруженные в беседу, трое мужчин. Судя по проседи в аккуратно подстриженных бородах, двоим из них было хорошо за сорок. Третий же собеседник выглядел заметно моложе, лет на двадцать с небольшим. Все трое были облачены в неброскую одежду – мешковатые темные шерстяные штаны, длинные подпоясанные рубахи и мягкие сапоги до колен. Головы двоих были непокрыты, а третий носил круглую фетровую шапку с необычной отделкой из чередующихся клочков блестящего темного и светлого меха.

Озрик толкнул меня локтем.

– Смотри, – негромко сказал он, указав глазами на незнакомцев.

На первый взгляд в них не было ровным счетом ничего примечательного, кроме разве что более смуглой кожи, чем у всех, кто нам попадался до сих пор. Да еще выглядели они поопрятнее.

– Посмотри на их пояса, – шепнул мой спутник.

Я снова скосил на них глаза. Широкие кожаные пояса были вышиты сложными красно-зелеными узорами из завитушек и петель и застегивались литыми серебряными пряжками тонкой работы.

– Работоторговцы, – чуть слышно пояснил Озрик. В его голосе явственно слышалась неприязнь, и я сразу вспомнил, что когда-то и он попал к нам, проданный такими же торговцами живым товаром.

Прикоснувшись к моей руке, сарацин заставил меня пройти рядом с работоторговцами, так что мы смогли расслышать их голоса.

Троица полностью проигнорировала нас, а когда мы удалились от них на достаточное расстояние, я спросил:

– О чем они говорили?

– Я уловил только несколько слов. Скорее всего, они прибыли сюда из Хазарии – это далеко за Константинополем, – ответил мой друг.

– Редвальд говорил, что сарацины посещают Каупанг, чтобы покупать рабов. Странно, что константинопольский император позволяет им пересекать свои земли, чтобы добраться сюда. Они ведь могут быть шпионами!

Озрик поморщился:

– Торговля не знает границ. Рабы, купленные в Каупанге, могут в конце концов оказаться и в константинопольском дворце.

К тому времени мы оказались в самом захудалом углу каупангского торжища. Землю здесь почти сплошь покрывал мусор, а дома казались еще более убогими. Тощие, покрытые

лишайми бродячие псы рылись в отбросах по сторонам дороги. Кучка людей, похожих на бездомных бродяг, приютилась в тени одного из хлипких навесов. Кто-то из них сидел, кто-то лежал на земле. На покрытых грязью лицах женщин и девочек можно было разглядеть промытые слезами полоски, а мужчины казались усталыми и безразличными ко всему. И хотя на них и не было оков, я сразу понял, что эти люди будут выставлены на невольничьем торговом ряду. Кто-то из них мог попасть в плен в ходе какой-нибудь местной войны, кого-то украли охотники за рабами, кого-то продали в рабство за долги... Я постарался выкинуть из головы возникшую было мысль об участии моих соплеменников, оказавшихся в плену после того, как король Оффа захватил наше королевство. Большинству, конечно, разрешили остаться, работать на земле и платить подати новому правителю, но кое-кого, несомненно, продали в рабство. Мне же очень повезло, что я оказался в изгнании.

В самом конце улицы, там, где она вновь превращалась в тропу, мы, наконец, нашли место, где торговали ловчими птицами. Их оказалось где-то с дюжину, и каждая была привязана шнурком за лапку к деревянным чурбакам, выстроенным в более-менее ровную линию на земле. Птицы яростными блестящими глазами следили за нашим приближением. Земля вокруг насестов была густо усыпана пометом, а пятна не успевшей просохнуть крови и клочки мышиных трупиков свидетельствовали о том, что их лишь недавно кормили. Мелких дербников и ястребов-перепелятников я знал с детства, а отличить больших кречетов от их близких родственников сапсанов мог благодаря экскурсам по соколятнику, которые проводил для меня главный королевский сокольник. К сожалению, из трех кречетов лишь один оказался белым. У остальных оперение было отмечено темно-коричневыми и черными узорами. Для моей цели они никак не годились.

За птицами присматривал тоненький, как тростинка, паренек, которому едва ли исполнилось десять лет. Решив ни в коем случае не нарушать соглашение с Редвальдом о том, что переговоры о покупке птиц он будет вести сам, я обратился к мальчишке с единственным вопросом: не знает ли он, где найти человека по имени Охтер. Но мой вопрос заглушил грянувший внезапно собачий лай. Едва не сбив мальчишку с ног, мимо промчалась свора шелудивых псов. Их тьяканье и визг напугали ловчих птиц, и те поспешно взмыли на насесты, подняв взмахами крыльев с земли облако разбросанного пуха и перьев.

– Где найти Охтера? – повторил я. Юный продавец в этот момент рухнул на колени перед белым кречетом и нежно погладил его по спинке, стараясь успокоить. Когда он поднял голову и вопросительно взглянул на меня, я решил, что он, наверно, не понимает саксонского языка, на котором я обратился к нему. Собаки тем временем сбились в кучу перед крепким, с виду приземистым деревянным домиком, стоявшим чуть дальше по дороге, и, надрываясь, истерически брехали на забранное решеткой окошко.

– Охтер? – спросил я кратко, все еще надеясь, что меня поймут.

Мальчик, продолжая гладить кречета, поднял свободную руку и ткнул пальцем в сторону осаждаемого псами домика. Из стоявшего рядом кожаного шатра с громкой руганью выскочил коренастый мужчина и, кинувшись к собакам, принялся охаживать их толстой палкой.

Дождавшись, пока он успешно разгонит нападавших, мы с Озриком направились к нему.

– Не ты ли будешь Охтер? – вежливо осведомился я. – Олейф сказал, что его можно найти где-то здесь.

Все так же крепко сжимая в кулаке палку, мужчина обернулся к нам. Я поостерегся бы затевать ссору с таким человеком, как он. С его изрезанного морщинами лица, украшенного густой черной бородой, из-под кустистых бровей смотрели пронизательные серые глаза. Ростом он был не выше среднего человека, но рубашка на его широченной груди разве что

не лопалась. А мускулистые предплечья и толстые пальцы мужчины, стискивавшие палку, недвусмысленно говорили о том, что с ним лучше не шутить.

– Я Охтер. – Уверенный, решительный тон его голоса вполне соответствовал внешности.

– Надеюсь, ты не откажешься рассказать мне о лошади-ките, хроссхвалре, – попросил я его. – Олейф сказал, что они живут в тех краях, где находятся твои владения.

Охтер не спеша оглядел меня. Несомненно, от его внимания не ускользнул и разный цвет моих глаз, но он не подал виду, что заметил это.

– Это верно, – ответил могучий мужчина. – Лежбище лошадей-китов находится на побережье совсем неподалеку от меня.

– Лежбище? – не понял я.

– Они вылезают из моря и лежат на земле – греются на солнце. Там они рожают и выкармливают свое потомство, – рассказал наш новый знакомый. – А ты как думал?

– Я надеялся, что это какие-то необычные лошади и что среди них, возможно, найдутся белые. – На сей раз я решил не делать из себя дурака, сразу спрашивая о единороге.

Надо отдать Охтеру должное – он не стал насмехаться надо мной:

– Это морские звери, похожие на огромные мешки жира. А почему их называют лошадьми – одному Одину известно. Они куда больше похожи на китов. Вот в этой части их называют совершенно верно.

– И среди них не бывает белых? – снова спросил я о том, что интересовало меня больше всего.

– Я не видал. У них белого – только зубы. Длинные мощные клыки. За них платят большие деньги – они идут на украшения, да еще резьбу красивую на них делают.

Тут я, наконец, понял, о каких зверях он говорил. При дворе Карла я не раз видел шахматные фигурки, рукояти кинжалов и разные подвески, сделанные, как мне сказали, из огромных зубов морских зверей. В памяти всплыл один из рисунков, которые я заметил, когда Карл показывал мне бестиарий. Пока он листал книгу, там мелькнуло изображение лежащего на каменистом берегу огромного неуклюжего зверя с бесформенным длинным и толстым телом, рыбьим хвостом, скорбным ликом и большими обвисшими усами. Это был не единорог и не один из тех зверей, которыми хотел обзавестись король.

Охтер, вероятно, заметил мое разочарование.

– До меня доходили слухи о белых, как снег, маленьких белых китах, – рассказал он. – Но это были только слухи.

– Благодарю тебя за помощь. Прости, что занял твое время. Эти собаки, видимо, сильно раздражают тебя, – сказал я. Пока мы беседовали, несколько шавок из только что разогнанной своры обогнули нас на приличном расстоянии и снова бесновались с лаем и рыком перед зарешеченным окном домика.

– Плохо будет, если они подберутся слишком близко, – сказал торговец. – Вот что, пойдем-ка, покажу, что у меня внутри. – И он подвел меня к постройке.

Она больше походила на большую крепкую клетку, нежели на дом. Стены ее были сколочены из толстых бревен, а крыша сложена из больших плит сланца, перекрывающих одна другую.

Я посмотрел сквозь решетку в окне.

Разглядеть мне удалось лишь пару грязно-желтых силуэтов на земле. Поначалу я решил, что это большие грязные овцы, странно похрапывающие во сне. Но тут одна из фигур пошевелилась, и я увидел три черных пятна – нос и глаза.

– Годовалые белые медведи, – пояснил за моею спиной Охтер и без замаха вытянул своей палкой одного из псов поперек спины. Тот громко взвыл и кинулся наутек.

– Они не кажутся очень уж опасными, – заметил я, не отрывая глаз от медведей. Они оба вновь растянулись на земле. Черные глаза, которые я только что увидел, закрылись.

– Это потому, что они тут голодными сидят, – пояснил продавец.

– Как же ты их добыл? – поинтересовался я. Звери меня разочаровали. Я ожидал увидеть прекрасное белоснежное создание вроде того, что было изображено в бестиарии, а вместо этого обнаружил двух больных и слабых на вид животных со шкурами цвета мочи. От них и пахло мочой. Я не мог не подумать о том, какое впечатление эти жалкие измученные твари произведут на халифа Багдада, если их привезут ему в ответ на тот великолепный дар, который он послал Карлу, – белого слона.

– Их мне продали финны, – ответил Охтер. – Они убили медведицу, их мать. Ну и, конечно, ее шкуру я тоже купил. Она уже продана.

– Кто такие финны? – Я уже подумал о том, не придется ли мне, чтобы приобрести то, что нужно, отправиться дальше и искать этих людей.

– Они бродят по горам и пустошам близ моих владений. Это местный народ, – пояснил торговец. – Финны никогда не сидят подолгу на одном месте. Приходят ко мне, чтобы получить металл в обмен на перья, зубы лошади-кита и веревки из шкур. Никогда не угадаешь наперед, когда они появятся и что притащат на обмен. В этот год они привели двух медвежат. – Охтер кивнул на запертых зверей. – Представьте, их просто невозможно заставить есть нормально! Едят по крошке, а остальное бросают. Я давал им и тюленью ворвань, и овечий жир, и кур, и молоко... Думаю, они по матери тоскуют...

Один из медвежат поднялся на ноги и подошел к зарешеченному окошку. Он оказался больше, чем я ожидал, – размером с крупного мастифа. Походка у него оказалась необычной, очень мягкой и даже зловещей.

– И до какой величины они будут расти? – продолжал допытываться я.

– Если выживут, станут с мамку, а в ее шкуре было два фатома² от носа до хвоста.

– Они совсем не кажутся опасными.

К тому времени один из псов просунул нос сквозь прутья решетки и теперь остервенело лаял на приближавшегося медведя. Не успел я договорить, как северный хищник взмахнул лапой, словно фехтовальщик, делающий выпад. Это движение было молниеносным, еле уловимым для глаза. Когти зацепили морду шавки, и та громко заскулила и бросилась бежать, обливаясь хлынувшей из раны кровью.

– Теперь понял, в чем моя трудность? – усмехнулся Охтер. – Слишком уж близко к ним подходить не стоит, а ведь надо как-то уговорить их есть.

– Я думал, что эти медведи на самом деле белые, – вздохнул я, все еще не избавившись от разочарования.

– Зимой их шкуры не отличишь от снега и льда. Да и сейчас, будь они здоровы и сыты, они не были бы такими грязными.

– Ты привез их на продажу? – спросил я, оторвав взгляд от медвежат и вновь повернувшись к своему собеседнику.

– А зачем еще я притащил бы их в Скринджес Хеал? – весело бросил тот. – Надеюсь, что они нагуляют аппетит, но, похоже, ошибся.

– У меня есть к тебе предложение, – улыбнулся я ему.

Охтер взглянул на меня округлившимися от удивления глазами:

– Что же ты будешь с ними делать?

– Я ищу белых зверей для короля Карла.

Сквозь черную бороду я разглядел блеснувшие в улыбке зубы.

² Фатом – старинная мера длины в две раскинутые руки, «маховая сажень». В настоящее время фатом равняется ровно двум ярдам или шести футам, то есть 1,8288 м.

– Я вижу, ты не купец, – заметил мой собеседник. – Не слишком-то разумно так прямо называть имя своего заказчика!

Он снова взглянул на клетку и озабоченно нахмурился:

– Приходи завтра в это же время. Я поразмыслю о цене. И учти: сдается мне, что медвежата эти – не жильцы. Очень может статься, что ты привезешь Карлу только их шкуры.

Возвращаясь вместе с Озриком на корабль, я думал о том, что мой визит в Каупанг начался неудачно. На продажу был выставлен только один белый кречет, и хотя мне удалось найти пару белых медведей, эти животные были настолько измождены, что можно было с уверенностью сказать: они подохнут задолго до того, как мое посольство доберется до Багдада. Что же касается единорога, то при одном упоминании о нем люди начинали хохотать.

Глава 5

Когда мы добрались до гавани, наш когг уже стоял у причала. Команда с помощью кучки местных жителей выносила груз на берег. Кнорра не было видно даже на горизонте, он уже наверняка плыл к Дунвичу. Редвальд же, стоя на причале около сходни, вел беседу с высоким костлявым мужчиной, чье лицо показалось мне смутно знакомым.

– Ну что, Зигвульф, отыскал зверей, какие тебе нужны? – бодро поинтересовался корабельщик. Похоже, он пребывал в прекрасном настроении.

– Одного-единственного белого кречета и пару белых медвежат-подростков, – ответил я.

– Горм говорит, что, пожалуй, нам удастся купить еще одного белого кречета, но кому-то придется пойти и забрать его у охотника, – рассказал капитан.

Высокий человек оказался торговцем ловчими птицами, и теперь я понял, на кого он похож – на того тощего мальчишку, который успокаивал испуганного сокола. Скорее всего, это были отец и сын.

– Жаль только, что медведи больные, – вздохнул я. – Хозяин опасается, что они не выживут.

– Охтер небось, – сказал торговец птицами.

– Это какой-то крестьянин, который взял медведей еще маленькими у людей, которых он назвал финнами, – пояснил я корабельщику.

Тот рассмеялся:

– Какой-то крестьянин! Владения Охтера находятся далеко на севере, там, где не посмел поселиться никто, кроме него. Он сам нашел землю, сам ее расчистил. Этот человек крепок, как гвоздь!

Можно было не сомневаться в том, что капитан хорошо знал Охтера, и я пометил себе в уме, что, торгуясь с постоянными посетителями каупангского торжища, следует держать ухо востро. Они, судя по всему, образовывали весьма тесный круг и в торговле, конечно же, прежде всего думали о собственных интересах.

– Я предложил купить у него медведей, и сейчас он решает, сколько за них запросить. Сказал подойти завтра, – сообщил я корабельщику.

Он проводил взглядом носильщика, неуверенно спускавшегося по шаткой сходне с несколькими кувшинами моего рейнского вина в руках.

– Пойду-ка я с тобой. У меня есть в городе и свои дела, за которыми нужно приглядеть, – решил он.

– Я хотел бы до этого обсудить с тобой кое-что еще, – сказал я, искоса взглянув на Озрика.

Редвальд сразу понял намек и повернулся к торговцу птицами:

– Горм, я навещу тебя завтра.

Когда же Горм направился по причалу прочь от корабля, мы с Озриком вслед за корабельщиком поднялись по сходне на палубу. Убедившись, что никто из команды не сможет услышать нас, я попросил капитана быть как можно осмотрительнее в ходе торговых дел:

– Я хотел бы, чтобы о цели моего приезда в Каупанг знало как можно меньше народу.

Моряк с безразличным видом пожал плечами, а потом не на шутку удивил меня, заявив:

– Самое время нам обсудить, как ты будешь расплачиваться за свои покупки.

– Что ты имеешь в виду? – резко спросил я.

– Пойдемте со мной, и я все объясню, – пробурчал корабельщик.

Вместе с ним мы спустились в трюм, где уже почти ничего не было, если не считать нескольких оставшихся тюков и ящиков. На одном тюке сидел Вало, охранявший наши драгоценные седельные сумки с серебром.

– Полагаю, в этих сумках вы держите свою казну, – прямо заявил Редвальд.

– Не вижу смысла отпираться, – кивнул я.

– Позвольте взглянуть? – спросил капитан.

– Как тебе будет угодно, – ответил я, ощутив укол подозрения.

Попросив Вало принести мне одну из сумок, я вручил ее Редвальду.

Корабельщик одобрительно взвесил ее на руке.

– Динарии Карла? – осведомился он, вопросительно вскинув бровь.

– Прямоком с ахенского монетного двора, – заверил я его.

Отстегнув клапан сумки, Редвальд достал одну из монет и поднес ее к свету, падавшему сквозь открытый люк.

– Чеканка изменилась, – сказал он. – Крест, посередине другой – украшений больше, чем на прежнем. Если не возражаете, я возьму одну монетку на пробу.

– Какую еще пробу? – спросил я. Мои подозрения стремительно усиливались.

– Сейчас покажу.

Оставив себе монету, моряк вернул сумку Вало и уверенно направился в глубь полутемного трюма. На полке, приделанной к корме, лежали свернутые в рулоны запасные паруса. Отодвинув их в сторону, Редвальд просунул куда-то руку, пошарил там, за что-то потянул, а потом послышался негромкий стук. Я не мог разглядеть в темноте, что он делал, но, когда капитан повернулся к нам, в руке у него был какой-то сверток промасленной ткани.

– Орудия моего второго ремесла, – загадочно объявил он. В свертке оказались небольшие весы, гири к ним, кошелек из мягкой кожи, завязанный бечевкой, маленькая склянка и еще какой-то предмет величиной с палец, завернутый в тряпку. Размотав ее, Редвальд извлек гладкий плоский черный камень и положил его на ближайший ящик. Потом он откупорил склянку, вылил из нее несколько капель масла на поверхность камня, растер это масло, а затем быстрым уверенным движением с силой провел монетой Карла взад-вперед по камню, оставив на нем тонкий серебристый след.

После этого он вытряхнул из кошелька его содержимое. На ящик со звоном высыпались странные мелкие предметы – одни округлые, другие плоские, некоторые слегка выгнуты наподобие блюда, а некоторые с зубчатыми краями. Были там и просто тонкие полоски – согнутые, перекрученные, а потом расплюснутые молотом. Все они имели одинаковый цвет – тускло-серый.

– Из-за морского воздуха они утратили блеск, – сказал Редвальд, взяв плоский кусочек в два дюйма шириной, один край которого был плавно закруглен. Я не сразу сообразил, что это кусок почерневшего серебра, по всей видимости, отрубленного от серебряной тарелки.

Корабельщик потер им по камню, оставив вторую серебристую полоску рядом с первой.

– Видишь разницу? – спросил он у Озрика, который пристально наблюдал за его действиями.

Сарацин покачал головой.

– Тут опыт нужен, – сказал Редвальд. – След от монеты показывает хорошее серебро – больше девяти частей на одну часть меди. А тарелка, от которой эти кусочки – так уж повезло мне узнать, – была сделана из серебра, сплавленного с медью всего три к одному.

Он сгреб обломки серебра ладонью, ссыпал их обратно в кошель и добавил:

– Я уже говорил тебе, Зигвульф, что северяне не доверяют монетам. Если Охтер продаст тебе медведей, то наверняка захочет получить в уплату ломаное серебро. И, конечно,

несколько ювелирных украшений, что-нибудь блестящее и причудливое, что он сможет потом пустить на обмен с финнами.

Затем моряк принялся, не торопясь, заворачивать черный камень в тряпку.

— А сколько времени потребуется, чтобы доказать ему, что все твои монеты настоящие!.. Даже думать об этом не хочу. — Он поморщился. — Но сначала нужно сторговать этих медведей.

* * *

На следующее утро я в сопровождении Редвальда и Вало отправился на встречу с Охтером. Озрик вызвался остаться на корабле и стеречь серебро, сказав, что его покалеченная нога сильно разболелась после вчерашней прогулки. На самом же деле причина его нежелания идти на берег была в том, что мы с ним оба чувствовали себя виноватыми перед Вало за то, что ему до сих пор не удалось сойти с корабля и своими глазами увидеть Каупанг.

Улица Каупанга, как и вчера, кишела народом. Когда мы пробирались через толпу, Редвальд показал мне на двоих ражих парней, болтавшихся возле одного из маленьких деревянных домишек:

— Наемные стражи. В этом доме каждый год останавливается торговец драгоценными металлами и камнями.

Толпа перед нами вдруг поспешно раздалась, пропуская группу в полдюжины людей. Все были вооружены мечами и топорами, а впереди шагал крупный краснолицый мужчина свирепого вида. Вало как раз замешкался, засмотревшись на деревянные безделушки, выставленные на одном из прилавков, и оказался у них на пути. Редвальд поспешно обернулся, схватил его за руку и оттащил в сторону. После того как воины исчезли в одной из таверн, корабельщик шепотом объяснил мне, что это был ярл — мелкий местный правитель — в сопровождении своих слуг и что от таких людей стоит держаться подальше, потому что они склонны во всем выискивать повод для обиды.

Через несколько шагов Вало снова пришлось спасать. Он остановился перед лавкой с мехами и шкурами, и купец велел ему не лапать товар. Редвальд сразу же подошел к нашему помощнику.

— Вало, это тюленья шкура, — объяснил он ему.

— Похожа на большую выдру, — сказал Вало, поглаживая блестящий мех.

— Как заплатит, так пусть берет себе и делает все, что хочет, — сердито бросил торговец, старик с вытянутым скорбным лицом и намотанным на шею, несмотря на теплый день, толстым шарфом.

— Откуда эти белые шкуры? — спросил я его. В груди шкурок поменьше мне бросились в глаза несколько ослепительно белых пушистых мехов.

— Зимний пёсец и заяц, — сказал старик.

Во мне сразу родилась новая надежда:

— А можно достать их живьем?

— От них тебе, Зигвульф, не будет никакого толку, — вмешался Редвальд. — К тому времени как эти звери попадут к халифу, они обретут свой обычный бурый цвет. Эти животные белые только зимой.

— А как насчет этого? Сгодится даже ярлу на плащ, — проскрипел старый продавец и с усилием развернул свернутую в рулон медвежью шкуру с головой и лапами. Вчера я своими глазами видел, какие раны остаются после одного удара этими черными когтями, даже если его наносит лишь годовалый медвежонок. Когда же я увидел огромные зубы, торчавшие из раскрытой пасти шкуры, у меня по спине пробежал холодок. И, конечно, не было никакой нужды спрашивать старика, не у Охтера ли он приобрел эту шкуру.

Самого Охтера мы, как и вчера, нашли на краю поселения. Он с мрачным видом заглядывал сквозь решетку в свою клетку с медведями. Звереныши с закрытыми глазами вытянулись на голой земле. Они лежали неподвижно, и было даже трудно понять, дышат ли эти животные вообще. В клетке, прямо перед тяжелой дверью, стояла деревянная бадья с водой. Подле нее находилось два корытца, заваленные чем-то, что показалось мне похожим на полосы пожелтевшего свиного сала с толстой черной кожей.

– Так и не жрут, – не скрывая сожаления, сказал Охтер. В руке у него была та же палка, что и вчера. Просунув ее между прутьями решетки, он подтолкнул одно из корыт к самому носу ближайшего медведя.

Ни одно из животных не пошевелилось.

– Чем ты пытаешься их кормить? – спросил Редвальд.

– Китовым жиром. От себя, можно сказать, отрываю, – вздохнул торговец.

– И небось никак в ум не возьмешь: с чего это они отказываются! – насмешливо хмыкнул наш корабельщик. Можно было не сомневаться, что эти двое – хорошие приятели.

Затем Редвальд повернулся ко мне:

– У Охтера слабость к китовому жиру. Он, как ребенок, прячет его от всех. Никак его понять не могу. По мне, так вкус мерзкий.

Продавец животных громко фыркнул:

– Ну, не все с тобой согласятся! Подождите-ка... – Он вдруг быстро зашагал к своему кожаному шатру.

Редвальд окинул медведей пристальным взглядом:

– Зигвульф, ты уверен, что их следует покупать? Судя по виду, они не жильцы на свете.

– Я все же хочу рискнуть, – возразил я. – Других-то все равно нет, а этих, может быть, все-таки удастся заставить есть.

Моряк пожал плечами: дескать, твоя воля.

– Но переговоры оставь мне, – сказал он. – Я, по крайней мере, смогу сбить цену на том, что они голодом заморенные.

– Я успел проболтаться Охтеру, что покупаю их для короля Карла, – признался я. – Боюсь, что теперь он задерет цену до небес.

Торговец вынырнул из палатки, держа в руке какой-то увесистый брусок. Мы направились ему навстречу, а он помахал своей ношей в воздухе, давая нам разглядеть ее. Одну сторону этого предмета покрывала толстая темная кожа, вся в мелких морщинах. А все остальное представляло собой бледную изжелта-белую массу, похожую на затвердевшее желе, дюйма в два толщиной.

– Лучший китовый жир, проявленный на воздухе, – объявил Охтер. – Ну-ка, попробуй кусочек!

Вынув из-за пояса большой моряцкий нож, он отрезал маленький кубик жира и протянул его мне.

Я кинул кусочек этого странного угощения в рот и осторожно – неизвестно же, что это за яство! – разжевал его. Вкус оказался на удивление приятным. Я почувствовал, как из кусочка выступает и течет по глотке масло. Оно смягчало горло и имело легкий привкус лесных орехов.

И тут Охтер, взглянув на что-то позади меня, недовольно охнул и воскликнул:

– Что делает этот болван?!

Я испуганно повернулся.

Конечно же, болваном оказался Вало. Мы оставили его без присмотра возле клетки с медведями, и он отпер массивную дверь, открыл ее и теперь заползал на четвереньках внутрь.

– Они же убьют его, – пробормотал я и рванулся вперед, но Охтер крепко схватил меня за руку и удержал на месте:

– Не делай резких движений и не вздумай кричать! Этим ты их только напугаешь. Нужно осторожно подойти поближе и тихонько приказать твоему парню, чтобы он выбрался оттуда.

Потом он взглянул на Редвальда:

– И чтобы народу было поменьше. Ты лучше постой здесь.

Медленно и осторожно мы с Охтером двинулись к клетке. Вало уже полностью залез внутрь и стоял все так же на четвереньках лицом к медведям. К своему вящему испугу, я увидел, как оба зверя подняли головы и уставились на него. Моего помощника отделяло от них не более четырех-пяти футов.

– Я сразу подумал, что у него неладно с головой, – пробормотал Охтер.

Вало между тем повернулся спиной к медведям и плотно закрыл за собой дверь. Я с ужасом увидел, как он просунул руку между прутьями решетки и поставил на место брусok, служивший запором. Теперь парень оказался заперт вместе со зверями.

– По крайней мере, что бы ни случилось, они не сбегут, – чуть слышно сказал торговец.

И тут откуда-то из-под моего правого колена раздалось негромкое рычание. Сердце у меня подскочило к самому горлу. К нам прибилась одна из бродячих псов, которыми изобиловало это поселение. Вздвигнув шерсть на загривке, осерев зубы и утробно рыча, чуть ли не прижимаясь к нашим ногам, собака шла к клетке вместе с нами.

Охтер молниеносным движением выбросил руку вниз, схватил пса за загривок и резко дернул. Рычание умолкло. Мы остановились, и торговец, пригнувшись, взял его второй рукой под горло, крепко сжал и держал его так до тех пор, пока тот не перестал отчаянно биться, а потом бесшумно положил труп наземь.

Вало же тем временем успел удобно устроиться – он уселся в клетке спиной к окну и лицом к медведям. Хищники все так же лежали на земле, но уже полностью проснулись, подняли головы и не сводили черных глаз с незваного гостя.

Я шевельнулся, чтобы приблизиться к ним, но Охтер опять удержал меня:

– Лучше держаться поодаль.

Вало извлек что-то из кармана и поднес к губам. Через мгновение я услышал те же самые четыре ноты, которые он играл во дворе фермы еще в первый день нашего путешествия. Они звучали негромко и повторялись вновь и вновь.

Один медведь, а за ним и другой поднялись на ноги, но даже не попытались подойти к парню.

А тот, ничуть не встревожившись, продолжал играть. Краем глаза я заметил, что стоявший подле меня Охтер повернулся и решительным жестом приказал Редвальду оставаться на месте.

Немного погодя Вало убрал дудочку в карман и пополз на коленях к медвежатам, толкая перед собой по земле корыта с едой.

Оказавшись совсем рядом с ними, в пределах размаха медвежьей лапы со смертоносными когтями, он приостановился и, пригнувшись еще ниже, почти касаясь лицом земли, вытянул руки и раздвинул корыта в стороны, на добрую сажень одно от другого.

– Подумал о том, чтобы они не подрались из-за еды, – чуть слышно прошептал Охтер.

Вало выпрямился и сел, поджав под себя ноги. Несколько мгновений он не двигался и в клетке не происходило ровным счетом ничего. А потом оба медведя поднялись, продвинулись на два шага вперед и принялись обнюхивать подношение. Еще пауза... и в конце концов они стали есть китовый жир.

Я с облегчением выдохнул и решил, что сын егеря сейчас покинет клетку. Однако, к моему изумлению, он пополз дальше, оказавшись как раз между зверями, после чего повер-

нулся и опять сел, скрестив ноги. Снова явилась на свет дудочка из оленьего рога, и снова зазвучала та же простенькая мелодия. Парень сидел и наигрывал, а по бокам от него два крупных медвежонка жадно заглатывали пищу.

Редвальд все же осторожно подкрался к нам, и я услышал, как Охтер пояснил ему, что происходит. Он говорил вполголоса, и я не сразу разобрал его слова. Медведя торговец назвал словом, которого я не слышал с детских лет. Мой народ – саксы – считал медведя существом, наделенным мистической силой, и потому частенько поминал его косвенным образом, с почтением, называя не медведем, а беовульфом. И сейчас Охтер, используя это самое слово, сказал, что если бы он не видел собственными глазами, то ни за что не поверил бы, что кто-нибудь способен укротить беовульфа. Я почувствовал, что волосы у меня на затылке поднялись дыбом: слово «беовульф» означало «пчелиный волк».

Передо мной, как наяву, развернулся тот сон, который я видел в Ахене: Вало сидит между волками, весь облепленный роящимися пчелами. Согласно Артимедору, если пчелы являются во сне, связанном с крестьянином, это означает успех в его предприятиях. Для всех остальных это предзнаменование смерти.

Мы наблюдали за происходившим с безопасного расстояния, пока медведи не насытились. Вало перестал играть на дудочке лишь после того, как они улеглись, свернувшись, и снова погрузились в сон. После этого он открыл засов на двери и ползком выбрался к нам. Вид у него был самый безмятежный, как будто не случилось ровным счетом ничего особенного.

– Я хотел бы нанять его ухаживать за медведями. Как его зовут? – обратился ко мне Охтер.

– Вало, – ответил я. – Его отец был главным егерем короля Карла.

Редвальд предостерегающе взглянул на меня – придержи, дескать, язык! – и повернулся к Охтеру:

– Отдать тебе этого парня в найм мы не сможем. Зигвульф ведь уже предложил тебе продать ему эту пару медведей. Но если Вало не будет их кормить, они наверняка умрут. В таком случае ты выручишь за них всего лишь стоимость шкур.

Я напустил на лицо непроницаемое выражение. К этому дню я достаточно хорошо изучил нашего капитана и мог понять, когда фриз всерьез берется за сделку.

– Охтер, я предлагаю договориться так, – продолжал Редвальд. – Вало останется с тобой и будет присматривать за медведями, пока моему кораблю не придет время возвращаться в Дорестада. За это ты сбросишь цену – будет средняя сумма между стоимостью живых медведей и той ценой, какую ты выручил бы за шкуры.

Его старый приятель ненадолго задумался:

– С одним условием: если медведи все же помрут до вашего отплытия, значит, виноват Вало, и я получу полную сумму.

– По рукам! – заявил моряк и, повернувшись ко мне, бодро заявил: – А теперь самое время выяснить, как можно добыть второго белого кречета, о котором мы говорили вчера.

Оставив Охтера объяснять Вало его новые обязанности, мы с Редвальдом перешли дорогу и направились к тому месту, где Горм и его сын присматривали за рядом ловчих птиц, рассеявшихся на чурбаках-насестах.

– Есть у меня один надежный человек, который как раз ловит кречетов, – сказал нам Горм. – Обычно он приносит в Каупанг, на торг, самое меньшее, одного белого, но в этом году что-то задерживается. Не знаю почему, и у меня нет никого, кого можно было бы послать выяснить, где он, и принести сюда птиц, которых он наловил.

– А если сына твоего послать? – предложил Редвальд.

Торговец птицами наклонился, поднял недоеденный трупик мыши, упавший на землю перед чурбаком, и протянул его одному из дербников. Тот острым клювом выхватил из пальцев хозяина кровавую пищу.

– Рольф еще слишком молод, – сказал Горм. – Охотник не доверит дорогих птиц мальчишке.

– А далеко отсюда живет твой охотник? – спросил я.

Горм поскреб пальцами подбородок:

– Его звать Ингвар, и он, наверное, в высокогорье, где всегда ставит ловушки. Туда три дня пути верхом.

Тощий, как и отец, сын Горма переминался с ноги на ногу. Поймав его взгляд, я понял: парень горит желанием доказать, что он уже не ребенок.

– Если у этого Ингвара и впрямь может оказаться белый кречет, я готов поехать с твоим сыном и доставить тебе птиц, – предложил я.

Вероятно, я слишком уж явно проявил свой интерес, потому что Редвальд немедленно вмешался:

– Если Зигвульф у придется терпеть такие неудобства, то и тебе надо будет скинуть цену.

К счастью, Горм не стал возражать против этого резонного предложения, и после недолгого разговора мы сошлись на том, что я с его сыном поеду на поиски пропавшего охотника и привезу с собой всех птиц, каких он смог наловить к этому времени. Тут появился Озрик, и мы, отойдя в сторонку, быстро пришли к решению, что ему лучше всего будет оставаться на корабле и сторожить наше серебро, пока я буду в отъезде. А Вало Охтер на это время заберет к себе, чтобы парень ухаживал за медведями. Редвальд же получит полную свободу для своих торговых дел.

– Чем скорее отправимся, тем лучше, – сказал я, повернувшись к Горму, и тут же пожалел о своем рвении, так как юный Рольф сорвался с места и почти сразу же появился, ведя за веревочные уздечки наших лошадей. Вернее было бы назвать их пони – это были неказистые лошадки, точь-в-точь похожие на тех, что вчера тащили с берега в поселение сани с поклажей. Стремян у них не имелось, и когда я устроился в кожаном седле без лук, то чуть ли не задевал за землю болтающимися ногами. Конечно же, прежде всего я подумал, что эти малышки вряд ли смогут унести нас далеко.

* * *

Я недооценил их. Лошади шли резвым аллюром, представлявшим собой нечто среднее между рысью и галопом и как нельзя лучше подходившим для пересеченной местности, по которой мы двигались. Рольф уверенно ехал впереди, и мне оставалось лишь предоставить своей лошаденке возможность следовать за ним по пути, который извивался среди кустарников и валунов и не заслуживал называться чем-то большим, нежели тропинкой. Дорога наша уходила напрямик от моря, и продвижение по ней было очень хорошо заметно. Правда, время от времени мне казалось, что хребет мой вот-вот рассыплется на кусочки и останется таким навсегда. Первые несколько миль пути проходили по равнине, где болотистые мшаники перемежались ольховыми и ивовыми рощицами и скудными кочковатыми лугами. Попалась нам от силы дюжина строений – хижины с бревенчатыми стенами и дерновыми крышами, пара сараев да маленький, обнесенный плетнем загон для овец и костлявых мелких коров. Первый ночлег мы устроили на самой дальней из таких ферм. Жена хозяйина узнала Рольфа и предоставила нам место на сеновале и накормила нас черствым сыром, хлебом и молоком, а вдобавок снабдила на дорогу той же самой пищей. Муж ее, сказала она, ушел на торги в Каупанг.

На следующее утро дорога начала забирать к северо-западу и пошла на подъем, сначала полого, а потом все круче и круче, извиваясь по неровному отрогу горного хребта. Наши пони взбирались по склонам, словно это были не лошади, а козы: их неподкованные копыта безошибочно находили опору на каменистых, кое-где осыпающихся кручах. Озарявшее берег яркое солнце осталось у нас за спиной, и вскоре нависшее над головой серое небо окрасило все окружающее в тот же самый цвет. Мы карабкались по широко раскинувшейся вокруг местности, где преобладали скалы и россыпи мелких камней, среди которых лишь изредка попадались чахлые растения, отчаянно цеплявшиеся за проглядывавшую кое-где скудную землю. Впереди виднелись горы, на самых высоких пиках которых белели последние клочки зимнего снега. Время от времени нам приходилось пересекать ручьи – полоски чистой воды, журчащей среди обточенных ею круглых камней: там мы приостанавливались и позволяли нашим пони отдохнуть и напиться. Живности вокруг почти не было, если не считать стаяк каких-то маленьких суетливых птичек да редких воронов, паривших в небе и походивших на черные тряпки, подхваченные ветром. Лишь однажды я заметил меньше чем в пятидесяти шагах лисицу, проворно юркнувшую за камень. Рольф почти все время молчал – может быть, от робости, а может, считая, что он плохо понимает мой саксонский язык, несмотря даже на то, что моя речь была довольно близка к его родной и по всем деловым вопросам мы договаривались безо всякого труда. Мальчик, похоже, отлично знал путь – он ни разу не заколебался при выборе направления и не растерялся, даже когда последние следы тропы затерялись и мы оказались среди пустошей, где не было ничего, кроме камней.

Вторую ночь мы провели в уединенной хибарке, построенной из камней очень своеобразным способом: их клали один на другой по сужающейся спирали, так что получился конус, которому даже не требовалась крыша. Хибарка, если я правильно понял Рольфа, принадлежала тому самому птицелову, которого мы искали. Она была пуста, если не считать нескольких полуистлевших оленьих шкур под стеной, деревянной скамейки со сломанной ножкой и головешек на кострище под закопченной дымовой дырой. Мой юный спутник принес две торбочки с овсом для лошадей, а когда они наелись, привязал их на длинные веревки, чтобы они могли бродить по мшанику и щипать скудную травку, пробивающуюся между камнями. Мы же на ужин доели остатки сыра и хлеба.

Следующее утро оказалось по-настоящему холодным, и я с удовольствием развел костер, пустив в огонь сухие дрова, запас которых нашел за хижинкой. Из-за неудобного седла я чуть ли не в кровь стер себе задницу и бедра изнутри и с трудом мог сидеть на лошади. Немудрено, что слова Рольфа «Сегодня Ингвар» очень обрадовали меня.

Мы ехали дальше, и пейзаж вокруг нас делался все безжизненнее, пока вскоре после полудня мы не попали в высокогорную долину, огражденную с двух сторон горными хребтами. Возле ручейка возвышалась каменная хижина, точь-в-точь похожая на ту, в которой мы ночевали. Однако это жилище оказалось обитаемым. Две лошаденки, стоявшие в крохотном загоне, приветствовали нас радостным ржанием, и мне сразу бросилась в глаза одежда, разложенная для просушки на невысокой каменной ограде. А вот самого Ингвара на месте не оказалось.

Вход в хижину прикрывал кусок мешковины. Мы стреножили наших пони, после чего я вслед за Рольфом вошел в дом, согнувшись пополам под единственным большим плоским камнем, исполнявшим роль притолоки. Окон в хижине не имелось, и света едва хватало, чтобы разглядеть, что там находилось. Внутри пахло дровяным дымом и копотью, но было чисто и даже имелась кое-какая обстановка – там были табурет, пара овчин, постеленных у стены и служивших ложем хозяина, и несколько мешков. На колышках, вбитых в стены, тоже были развешены какие-то мешки, а посередине висел на треноге большой черный железный котел с остатками холодного застывшего жаркого – оно заполняло посудину дюйма на три. Сразу за дверью на земле лежал кусок рыболовной сети с мелкими, разве что для верхопла-

вок, ячейками. Я озадаченно уставился на сеть, пытаюсь сообразить, кому может прийти в голову ловить рыбу высоко в горах. Ручеек, через который мы перешли по пути к хижине, был слишком мелким и каменистым, чтобы там можно было рыбачить сетью, а море находилось очень уж далеко отсюда.

– Как ты думаешь, куда мог уйти Ингвар? – спросил я мальчика.

Он выразительно закатил глаза и пожал плечами.

– Может быть, нам стоит поискать его? – предположил я.

Рольф покачал головой:

– Мы ждать.

Я выбрался из хижины и стал искать хоть какие-нибудь зацепки, чтобы понять, что же могло приключиться с загадочным птицеловом. Неподалеку я обнаружил еще одно сооружение, вряд ли превосходящее размером свинарник, со стенами из камней и хрупкой крышей из кусков старой холстины, настеленной на тонкие жерди.

Скрючившись, я заглянул в узкий лаз и услышал хлопанье птичьих крыльев, а просунув голову дальше, дождался, пока мои глаза привыкли к полутьме, и разглядел, что по всей длине постройки лежит шест, к которому привязана за ногу кожаным ремешком большая темная птица, неподвижно застывшая и сгорбившаяся. Это оказался горный орел, куда крупнее размером, чем кречет. Увиденное и впечатлило, и разочаровало меня. Орел был мне совершенно не нужен, но я понимал, что поймать такого величественного хищника – немалое достижение. Крылья захлопали вновь. Звук доносился откуда-то снизу, справа от меня, где стояло нечто вроде редко сплетенной корзины для кур. Не в силах преодолеть любопытство, я вытянул руку и подтащил корзину к свету, чтобы получше рассмотреть ее. Внутри оказалось несколько самых обычных голубей, и я растерянно уселся наземь. Ну какой мог быть смысл в том, чтобы далеко в горах утруждаться ловлей голубей, которых куда легче было бы наловить близ любой фермы?

Тут меня окликнул Рольф. Вернувшись, я увидел, что он снял один из подвешенных мешков и обнаружил там черствый хлеб и похожие на капли кусочки копченого мяса, имевшего темный красновато-лиловый цвет. Мы сильно проголодались и, пока пони пили из ручья, уселись рядом на камни и принялись за еду. Мясо, хоть и жестковатое, оказалось прекрасным на вкус, и, лишь откусив два, если не три раза, я понял, что эти кусочки – каждый по размеру едва ли больше сливы – не что иное, как грудки каких-то мелких птичек. Рольф не знал их названия: он сказал только, что они водятся на морском берегу. Это, как и рыбацкая сеть, оказалось еще одной загадкой Ингвара.

Хозяин хижины объявился гораздо позже, когда солнце уже собиралось опуститься за близкие горы. Рольф первым заметил вдали фигурку человека, спускавшегося по горному склону с небольшим мешком в руке. Когда же Ингвар дошел до ровного места и направился к нам, меня охватило жутковатое ощущение того, что я вот-вот встречу с кем-то, кого уже знал раньше. Чувство это очень походило на то, что я испытал в тот миг, когда понял значение своего сна, в котором участвовали Вало и два волка. Но на сей раз я увидел живого двойника знакомого мне человека: Вульфард, отец Вало, живой и невредимый, будто явился сюда со дна ловчей ямы для тура. Он и птицелов были очень схожи между собой и ростом, и телосложением, и повадками. Оба были крепкими и жилистыми, двигались одинаковым легким и быстрым шагом и держались одинаково прямо. Может быть, Ингвар был чуть посмуглее лицом, с которого не сходило то же самое настороженное лисье выражение, какое я привык видеть у Вульфарда. Я поймал себя на том, что ищу взглядом шапку с пером вроде той, какую всегда носил погибший егерь, но Ингвар был простоволос. И лишь когда птицелов оказался совсем рядом, я разглядел, что глаза Ингвара темно-карие, тогда как у Вульфарда они были светло-карими с желтизной. Да и скулы охотника за птицами на таком же плоском, как у егеря, лице были пошире. Припомнив разговор с Редвальдом – мы шли тогда через толпу на

рыночной площади Каупанга, – я понял, что эти черты свидетельствуют о том, что кто-то из родителей Ингвара принадлежал к племени финнов.

– Милости прошу, – произнес он ясным звучным голосом. Убедившись, что его речь можно будет понять без труда, я испытал немалое облегчение.

– Горм предложил нам прийти сюда и отыскать тебя. Он удивляется, что тебя нет на торгу в Каупанге, – сказал я.

– Я приду в Каупанг, как только буду готов, – ответил охотник.

– Позволю себе спросить, когда это случится? – уточнил я вежливо.

– Может быть, уже на этой неделе. – Мешок, который ловец птиц держал в руке, слабо трепыхался: в нем было что-то живое. – Я умоюсь, мы поедем, а потом будем разговаривать. – С этими словами он отвернулся от нас и направился к сараю, в котором, как я видел, он держал пойманного орла.

Вскоре после начала сумерек Ингвар вытащил из хижины котел с треногой, развел под ним огонь и подогрел жаркое. Он добавил в котел несколько луковиц, хранившихся в одном из мешков, какие-то травы и еще с дюжину копченых грудок неизвестных мне птиц.

– Рольф сказал мне, что это мясо какой-то морской птицы, – заговорил я с ним. Приготовленное на огне мясо оказалось еще сочнее, чем в холодном виде.

– Не знаю, как они называются на вашем языке. Мы называем их лунди, – рассказал хозяин хижины. – В полете они машут крыльями в точности как летучие мыши, а летом клювы у них окрашены разноцветными полосками вроде радуги.

Интонациями он очень напоминал Охтера, когда тот хвалил свой любимый китовый жир. Я попытался сообразить, не видел ли я подходящей под его описание необычной птицы в бестиарии Карла, но так и не смог припомнить ничего подобного.

Ингвар наклонился вперед и помешал жаркое палкой:

– Когда они сидят на гнездах, я отправляюсь на берег и ловлю их сетью на скалах. Их мясо очень питательно, хорошо сохраняется и немного весит. В общем, для моей жизни в горах подходит как нельзя лучше.

– Ты для этого носишь с собой сеть? – продолжил я расспросы.

– Эта сеть нужна для многих разных дел, – кивнул охотник.

– Горм сказал, что ты можешь добыть ему белых кречетов.

Птицелов, сохраняя полную серьезность, всмотрелся в мое лицо:

– Это из-за них ты отправился искать меня в горах?

– Я приехал в эти края, надеясь купить белых кречетов.

– В таком случае, если духи будут благосклонны к нам, твое желание может исполниться.

Я сразу забыл об усталости:

– Завтра ты поймашь белого кречета?

– Если духи будут благосклонны, – повторил Ингвар.

– Можно мне пойти с тобой и посмотреть, как ты это делаешь? – попросил я.

Ловчий долго обдумывал мое пожелание.

– До тебя еще никто не взял на себя труд отыскать меня в этих горах, – заговорил он наконец. – Если ты обещаешь мне вести себя тихо и спокойно, чтобы не вспугнуть нашу добычу, то я возьму тебя с собою.

Вульфард на его месте сказал бы примерно то же самое.

Затем птицелов охладил мой восторг, добавив:

– А то, что ты сейдрманн, нам нисколько не мешает.

– Что значит – сейдрманн? – не понял я его.

– У тебя глаза разных цветов. Это знак человека, который связан с потусторонним миром.

* * *

Мы с Ингваром покинули долину еще затемно, оставив Рольфа присматривать за лошадьми. Птицелов настоял на очень раннем выходе, объяснив, что нам нужно попасть на место до того, как кречеты начнут охоту. Он нес с собой тот же самый мешочек, с которым вчера спустился с горы, и его содержимое снова копошилось, трепыхалось и жило какой-то собственной жизнью. Подъем из долины оказался трудным, и мне было стыдно, что Ингвару пришлось несколько раз останавливаться и поджидать меня. В конце концов, уже когда совсем рассвело, мы выбрались на расположенный на плече горы карниз шагов в пятнадцать шириной. По словам Ингвара, это было самое подходящее место для ловли кречетов. Совсем запыхавшись, с подкашивавшимися от усталости ногами, я стоял, глубоко вдыхал чистый прохладный воздух и всматривался в голубовато-серое море, затягивавшее далекий горизонт. День обещал быть теплым и безветренным. Подо мной были гряды высоких и низких, крутых и пологих гор – они уходили вдаль, туда, где за пределами видимости лежал Каупанг со своим торгом. Сам не знаю почему, я вдруг преисполнился уверенности в том, что нам удастся раздобыть нескольких белых животных для того дара, который король намеревался отправить халифу далекого Багдада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.